

A woman with long brown hair and blue eyes, wearing a dark blue historical dress with a white bodice featuring blue floral embroidery. She is holding a red rose in her hands. She stands next to a large stone wall. In the background, there is a castle with blue roofs and a field of white flowers under a blue sky with clouds.

НАСЛЕДНИЦА

Юстина Южная

НАСЛЕДНИЦА
замка Ла Фер

Юстина Южная

Наследница замка Ла Фер

<https://litres.ru/74213167>

Аннотация

"Невесте графа де Ла Фер всего шестнадцать..." Нет, погодите! Не невесте, а далекой прабабке и не шестнадцать, а восемнадцать. И вообще я тут случайно. Но что делать, если на меня свалилось разоренное поместье, старшая сестра, неприспособленная к жизни, и прекрасные, хоть и заброшенные плодовые сады. Ах да, и черный пруд, конечно же! Что ж, Лаура де Ла Фер подберет свои юбки и пойдет причинять добро яблоням и людям вокруг. А замуж? Постойте, сначала сестру пристрою, а там уж видно будет.

#средневековые #быт и выживание #приключения и любовь
#обязательный ХЭ

Обложка от Елены Бабинцевой. Подписка.

Содержание

Глава 1.1	4
1.2	9
1.3	14
Глава 2.1	21
2.2	26
2.3	31
Глава 3.1	39
3.2	47
3.3	54
Глава 4.1	60
4.2	68
4.3	73
Глава 5.1	79
5.2	85
5.3	90
Глава 6.1	98
6.2	105
6.3	111
Глава 7.1	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Глава 1.1

— Вот теперь ты будешь моей, — прошептал незнакомый юношеский голос прямо мне в ухо. — Отец попросит за меня у герцога де Монморанси, тот — у короля, и дело в шляпе. Кому нужна нищая графиня, да еще так ужасно скомпрометированная?

Чья-то ладонь проскользила по моему лицу, шее, чуть задержалась на ключицах, словно в раздумьях, а потом все же сползла на грудь.

Не открывая глаз, я вскинула руки и изо всех сил оттолкнула навалившегося на меня человека. Если честно, в тот момент я почти не осознавала, что делаю. Голова трещала немилосердно, веки не поднимались, будто придавленные свинцовой плитой, да и все тело болело и ломило. Но позволить себя лапать какой-то твари, решившей воспользоваться моей беспомощностью?.. Ну уж нет.

— Пошел прочь, — попыталась закричать я, но оказалось, что способна только шептать. Издаваемые мной звуки были непривычны уху, однако в тот момент я не обратила на это внимания.

Собрав все силы, я приподнялась и еще раз пихнула парня в плечо. То, что это молодой парень, стало ясно, едва я смогла распахнуть глаза и встретиться с испуганным взглядом тщедушного юнца напротив. Его щеки цвели бугорками

прыщей, а белесые волосы были настолько длинные, что висели ниже воротника старинного вида рубахи.

Это что еще за чудо в перьях?

— Ва... ваше сиятельство... мадемуазель Лаура, — залопотал юный извращенец, тут же сменив тон, — вы не так все поняли. Я лишь хотел вам помочь!

— Уйди, — опять пробормотала я, не в силах долго сохранять сидячее положение и вообще вести какие-либо разговоры.

— Да-да, простите... я только хотел... извините.

Юношу как ветром сдуло — с силой хлопнула входная дверь.

Дверь? Какая дверь? Я же была на улице, когда... Боже, да что вообще происходит?!

Мой взгляд наконец прояснился, и я увидела, что лежу на высокой кровати в небольшой комнате с темными деревянными панелями вместо обоев. Другой мебели в комнате нет, не считая двух кованых сундуков, а из узкого мутноватого окошка пробивается тусклый свет.

Где я?

Нет, подождите... кто я?

Стоп, стоп! Женщина, давай-ка спокойнее.

Я глубоко вздохнула, стараясь привести мысли в порядок. Итак, кто я? Лариса Соболева, сорок семь лет, временно библиотекарь. Фух, все в порядке, я себя помню и умом не тронулась. Пункт следующий: как я оказалась в этом непо-

нятном месте? Последнее воспоминание: шла по улице, возвращаясь с работы, было темно и снежно, свернула в переулок, какая-то бабка, бредущая навстречу, громко ругалась на ЖКХ, которое «только и может, что бабло пилить! снег не чистят, бездельники гадские, лед не убирают; чуть не убило же сейчас! женщина, вы там осторожнее!» Я, занятая своими размышлениями, на автомате кивнула ей, двинулась вперед и тут... Громкий хруст над головой, шапку и куртку обдаёт вихрем снега, я успеваю поднять лицо...

Ох ты ж, блин! Меня ж сосулькой долбануло.

Я машинально вскинула руку к макушке в попытке нащупать шишку, и нашла ее. Правда, она скорее была на виске, но не важно, главное, что была и сильно болела, — едва коснувшись гематомы, я отдернула пальцы.

Так, значит, меня стукнуло, я упала, очевидно потеряла сознание, а потом... потом кто-то, похоже, меня подобрал и перенес в теплое помещение. Этот белобрысый парень? К себе домой? А я его так невежливо выставила... Но что это за дом такой, с сундуками и деревом повсюду? И что за бред он там нес про королей и герцогов? За грудь хватал...

Нет, слишком много вопросов. А голова болит. Надо полежать.

Я откинулась назад, под головой ощущалось что-то мягкое, подушка, наверное. И еще я была накрыта очень милым лоскутным одеялом явно ручной работы. Всю эту информацию мозг воспринимал и обрабатывал словно сам по

себе, без участия моего непосредственного сознания. Но потихоньку я успокаивалась и приходила в себя.

И едва я это сделала, то есть успокоилась, как увидела свои руки, лежащие поверх одеяла.

Это были не мои руки!

Я замерла, в ступоре разглядывая узкие ладони и изящные аристократические пальцы, которые отлично смотрелись бы на клавишах пианино. Кожа гладкая, девичья. Я заторможено ощупала лицо — упругие щеки, никакого второго подбородка, маленькие уши. Провела рукой по волосам, они явно не желали заканчиваться, уходя глубоко за спину. А ведь у меня короткая стрижка... Машинально откинула одеяло, под ним обнаружилось худенькое тело и стройные ножки, просвечивающие сквозь ткань длинной ночной рубашки. Еще с минуту разум просто не желал осознавать происходящее, затем я медленно поднялась и за неимением в комнате зеркала босиком подошла к окну. Стекло было мутным, разбитым на небольшие квадратики, державшиеся на металлическом каркасе — что-то вроде витража, только не цветного. Четкого отражения, конечно, и в помине не имелось, но того, что я увидела, оказалось достаточно.

На меня огромными голубыми глазищами смотрела юная девушка с темными густыми волосами и хрупким сложением, словно сошедшая с полотен художников итальянского Возрождения. А вот самой меня, взрослой женщины Ларисы, внешне, наверное, милой, но откровенно полноватой и с

«три перьями» на голове, там не отражалось.

Я ощупала себя, понимая при этом, что тело мне повинунется как родное, пощипала кожу в надежде, что это сон и сейчас я очнусь, но дощипалась до наливающегося синяка и прекратила.

«Этого не может быть», — сухо констатировала я.

И упала в обморок.

1.2

«Второе пришествие» состоялось в том же антураже и снова под аккомпанемент голосов. На этот раз их было два и оба — женские.

— Лаууура! — завывал тот, что потоньше и позвонче, явно принадлежащий молодой особе. — Очнись, не умирай. Я же без тебя не смогууу!

— Госпожа Каролина, все хорошо, успокойтесь, ради Господа нашего. Все нормально, госпожа Лаура вне опасности. Видите, она дышит спокойно и ровно, и щечки уже порозовели, — увещевало безутешную девицу грубоватое женское контральто, однако, похоже, безрезультатно.

— Лаууура!

И так душераздирающе это прозвучало, что просто невозможно было не откликнуться на девичий зов. Пусть я и не Лаура. Хотя... Я незаметно ощупала себя под одеялом. Судя по всему, теперь я — она, как бы нереально это ни звучало.

— Все в порядке, — произнесла я, открывая глаза. — Я жива. Не нужно так громко кричать. Пожалуйста. Голова болит очень.

— Лаура! — Тут же я оказалась в объятиях юной девушки, едва ли старше двадцати, с очень красивой, я бы даже сказала, породистой внешностью: пепельные волосы, белая кожа и черты лица, схожие с теми, что я видела в отражении

стекла. — Сестренка, как же ты меня напугала! Я уж думала, ты отходишь. Ах, эта отвратительная лошадь! Сейчас я даже рада, что ее у нас забрали. А я тебе питье несла, захожу — ты лежишь, как мертвая. Хорошо вот Розитта меня услышала, прибежала. Ах, Боже милостивый, как я рада, как я рада!

Стоявшая рядом с кроватью Розитта, грузная женщина в холщовой рубашке, серой шерстяной юбке в пол и слегка замызганном переднике, умиленно смотрела то на девушку, то на меня и вроде тоже радовалась происходящему. Я уже более осмысленно обвела глазами помещение и вздрогнула, потому что в комнате, оказывается, находились не две женщины, а три. Старушка в черном платье и темно-коричневом чепце молча сидела на одном из сундуков, наблюдая за разыгравшейся сценой, и мерно покачивала головой.

— Ой, тетушка Флоранс, — икнула Каролина, проследив за моим взглядом и тоже в изумлении уставившись на старушку. — Как вы сюда попали? Вы же почти не ходите? Ну ничего, Розитта сейчас ответит вас обратно.

Старушка не ответила, только улыбнулась. Выражение лица у нее было ласковым и безмятежным; она вообще выглядела особой совершенно не от мира сего, возможно, даже страдающей старческим слабоумием, но поразмышлять над этим мне не дали. Пепельноволосая девушка, вновь сделав меня первейшим объектом ее внимания, продолжила щебетать, и мне уже очень хотелось прервать этот неостановимый поток слов.

— Каролина, милая. — Наверное, я могу так обращаться к «сестре»? Я немного отстранилась от девушки, вздохнула и, преодолев страх, нырнула в неизведанное: — А что со мной случилось? Прости, я, кажется, сильно ударилась. Не помню ничего...

— Ох, — всплеснула она руками. — Так ведь тебя Ронни задела копытом. Ее уводили от нас к новому владельцу, а ты вдруг как выбежишь, как вцепишься в поводья, как закричишь: «Не отдам! Какое вы имеете право? Она моя, отец мне ее подарил!» А они не поняли, что ты — это ты, подумали, служанка какая-то. Ты ж в своем садовом платье была, передник весь выпачкан в грязи, на голове платок... Начали орать в ответ. Ронни испугалась, забилась, конюх ее не удержал, выпустил, она на дыбы, а ты увернуться не успела. Копытом прямо по голове пришлось. И ой, что тут началось! Полная неразбериха. Тебя унесли, позвали мэтра Паре, он, к счастью, тогда еще не покинул замок. Мэтр сделал тебе примочки, велел заваривать травы вон те... — Каролина кивнула на большую глиняную кружку на подносе, которая покоилась на незанятом старушкой сундуке, — ...поить тебя, и чтобы ты спала. Уверил, что скоро придешь в себя. Ну а эти ужасные люди забрали кобылу, всю упряжь и быстро улизнули, пока мы все тут бегали, чтобы никто не спохватился призвать их к ответу. Ты два дня беспамятная лежала. Я думала... боялась очень...

Каролина, не справившись с эмоциями, на мгновение за-

крыла лицо руками, а затем снова меня обняла. Информацию я приняла немного отстраненно. Все это происходило где-то когда-то и не со мной. Умом я понимала, что мне бы нужно получить ответы и на другие многочисленные вопросы, но задавать их сейчас не хотелось.

Наверное, это даже нормальная реакция: психика, как может, оберегает себя от потрясений, их ведь и так выше крыши. Скорее всего, позже придет осознание и откат, а сейчас я жаждала только одного — побыть в тишине и покое. О чем вежливо и сообщила собравшимся.

Розитта, убедившаяся, что помощь мне больше не нужна, помогла подняться старушке и под ручку аккуратно вывела ее за дверь. Выпив горький лечебный отвар, выяснив, где находится ночная ваза, и уверив Каролину, что меня можно оставить наедине с собой, я наконец-то осталась в комнате одна.

И вот тогда-то и пришел откат.

Я плакала, рыдала в подушку, била в нее кулаками, тихо орала, чтобы не дай бог не услышали и не прибежали спасать, снова рыдала...

Следующие три дня я пролежала в кровати, вставая только для того, чтобы сходить в туалет. Я просто ела, пила, сдержанно общалась с Каролиной и тихой служанкой по имени Татин, которая ухаживала за мной. Изредка ко мне заходила Розитта, приносила обед, она служила здесь поварихой и за неимением должного числа слуг частенько выполняла их

обязанности. Постепенно я смирялась с тем, что произошло, узнавала местную жизнь, пыталась понять, где именно оказалась, слушала болтовню «сестры». Много размышляла и вспоминала. А вспомнить было что. Целую жизнь!

1.3

Наш провинциальный городок не отличался размахом, но был уютным и знакомым мне до каждого уголка: зеленые дворики у пятиэтажных хрущевок, магазин «Культтовары» — место детского паломничества, где можно было на сэкономленные копейки купить красивую заколочку или маленькую куколку, парк отдыха с любимыми аттракционами — «Сюрпризом» и каруселью, где вместо лошадок почему-то были олени. Я училась в неплохой по местным меркам школе, летом носилась с девчонками и мальчишками по окрестным полям и рощам и в целом росла девочкой живой, веселой, доверчивой и открытой миру. Ровно до тех пор, пока родители не развелись.

Папа, помахав ручкой и забрав новый телевизор, ушел к «любви всей своей жизни», а мама, вынужденная взять на работе две с половиной ставки, не зная, кого оставить со мной (единственная бабушка жила в Норильске), не придумала ничего лучше, как перевести меня в школу-интернат.

То, что дети в интернате живут совсем по другим законам, я поняла сразу: когда на вторую ночь в палате девочки устроили мне «темную». Устроили даже не со зла, просто так — потому что всем новичкам положено было пройти через ритуальную головомойку. Видимо, повела я себя при этом, по их понятиям, достойно — отбивалась молча, потом никого

не сдала училкам, — потому что отстали от меня быстро. Друзей я в этой школе не приобрела, кроме рискованной девчонки Ирки, но и изгоем не стала. Просто замкнулась в себе, ушла в книги, и взаимодействовала с классом лишь по мере необходимости.

Едва настали «благословенные» девятые, мама со всей дотошностью раскопала у себя очень-очень далекие, но все же еврейские корни, и уехала в Израиль по спецпрограмме. Она звала меня с собой, но я отказалась. Во-первых, к тому времени я уже училась в институте культуры в Москве (его как раз переименовывали в университет) и не хотела бросать вуз — высшее образование представлялось мне чем-то совершенно необходимым, чтобы устроить хорошую жизнь. А во-вторых... во-вторых, именно тогда рядом со мной появился Лёнька. Светлые кудри, зеленые очи и запах тела, который сводил меня с ума. В порыве нежности я часто прижималась к его шее и вдыхала чудесный аромат топленого молока, думая: «Боже, как же мне повезло, что это счастье — мое».

Спустя год встреч мы поженились. Сначала жили у его родителей, позже удалось снять крошечную квартирку на окраине Москвы, и какое-то время все было хорошо. Рожать я не торопилась, после института устроилась в фирму секретарем, рассчитывая немного подняться по карьерной лестнице, а потом уже обзаводиться детьми. Но затем начало происходить нечто странное. Лёня стал часто задерживаться на

работе, приходил смурной и раздраженный. Что бы я ни делала, всё было не так. Не так убиралась в квартире, не так мыла посуду, не так занималась любовью... Это сейчас я понимаю, что происходило на самом деле, а тогда я была очень наивной девочкой, не имевшей никаких других отношений до мужа и потому искренне считавшей, что она плохая жена и нужно стараться быть лучше.

Разумеется, «лучшей» я не стала. Через несколько месяцев, перебирая постельное белье в шкафу, я случайно наткнулась на стопку фотографий, припрятанных в самом глубоком углу. Удивившись, я взглянула на верхний снимок в пачке: зимний лес, Лёня в теплой куртке, но без шапки, целует красивую девушку, тоже не озаботившуюся головным убором; рядом валяются несколько пар лыж.

С полминуты я рассматривала фото, никак не в состоянии осознать, что да, на нем именно то, что я вижу. Потом осознала. И вспомнила, как неделю назад Лёня сказал, что идет кататься на лыжах в Битцевский парк, а когда я попросилась с ним, отговорился тем, что это будет корпоративный выезд. Видимо, корпоратив там был, да, раз уж эту парочку кто-то сфоткал, но задержки на работе предстали передо мной совсем в другом свете.

Нет, я не устраивала истерик — тихо, спокойно попросила объяснить, что происходит и как нам с этим быть. Что ж, в тот день я узнала о себе много нового. Смысл, впрочем, сводился к одному: у Лёни совершенно другие взгляды на

жизнь, нежели у меня, со мной ему плохо, а вот та девушка во всем его понимает, поэтому...

Он даже не извинился. Мы развелись, и все.

Я переехала обратно на родину, так как одна не тянула даже съём комнаты, и в следующие полгода не жила. Устроилась уборщицей, так как в моем городе высшее гуманитарное образование и даром никому было не нужно, таскалась на работу, возвращалась с работы — и не жила.

Вытащила меня тогда та самая единственная школьная подруга Ирка. Она день за днем приходила ко мне в гости или звала к себе, выслушивала, обнимала, часами выгуливала в парке и говорила, все время говорила: «Ларушка, ты не одна. И Лёня — не единственный мужчина во вселенной. Да, пока для тебя он — свет в окошке, и ты никого больше не видишь и видеть не хочешь, но, пожалуйста, дай себе жить. Твоя жизнь дороже всего и уж точно дороже неверного мужа. Тебе очень плохо, я вижу, но я рядом, твоя мама тоже переживает за тебя. Знай, ты не одна. И однажды, поверь мне, однажды все изменится, ты вдохнешь воздух — и почувствуешь запах распутившихся листьев; коснешься старой лавочки во дворе — и ощутишь, как дерево нагрелось под солнцем; услышишь чей-то смех — и улыбнешься в ответ».

Иришка была права, однажды это действительно случилось. Я смогла улыбнуться и потихоньку начать новую жизнь. В ней были и взлеты, и падения, и разная работа: хо-

рошая и дурная, были и мужчины, с которыми я искренне пыталась построить отношения. Но отношения не складывались. Уже много позже разумом зрелой женщины (не без помощи психолога) я проанализировала все эти бесплодные попытки и многое поняла про себя.

Нет, будем честны, мужчины мои, конечно, тоже отжидали: один, что называется, маменькин сладкий пирожочек, так и не сумел оторваться от маминой юбки, предпочел бросить меня, второй — вполне хороший парень — оказался закодированным алкоголиком, внезапно решившим раскодироваться... А третьего я уже и не искала. Мое сердце, которое я исправно отдавала тем, кого любила, в какой-то момент отказалось любить вовсе. А без любви я не хотела ничего.

Но и сама я... Что-то во мне тогда надломилось. С уходом Лёньки ушла и моя вера. Вера в мужчин, в Бога, в любовь и, увы, в себя. Я ведь так и не смогла реализовать тот потенциал, который чувствовала в себе. В последний год вообще работала в библиотеке, укутавшись в одиночество, как в привычный плед, переписывалась с Иришкой, по работе переехавшей во Флоренцию, общалась по скайпу с мамой, которая давным-давно обзавелась новым и, надо сказать, замечательным мужем в Израиле. А сама читала книги, изредка встречалась с приятельницами в кафешках, где мне по карману был лишь чай с конфеткой, и ничего не меняла. Не потому что не хотела, а... просто не имела на это сил.

Вот такой была жизнь, которую я потеряла. Жалела ли я

о ней? Жалела ли о том, что по неведомой прихоти судьбы, или Бога, или еще каких-то высших существ, я оказалась в этом мире в теле бедной девочки Лауры? Да, немного жалела. А может, и «много». Хорошо хоть я не оставила за собой никаких долгов и хвостов. Знакомые всплакнут и забудут, животных я не заводила, хоть всегда их обожала: и кошек, и собак, и рыбок. Квартирка моя по завещанию должна отойти маме и Иришке. Ну, а уж с платежками за коммуналку они как-нибудь разберутся, и розочки мои с гортензиями заберут к себе.

Но ведь такие невероятные события не случаются просто так, — в какой-то миг своих бесконечных размышлений подумала я. Значит, эти самые высшие существа зачем-то дали мне после смерти второй шанс. Дали жизнь, которую я теперь, имея за плечами весь свой опыт, могу прожить уже совсем по-другому. И сделать в ней то, чего не смогла в прошлой. А еще... наверное, кому-то я здесь нужна, раз призывали меня именно сюда, сделали так, чтобы та несчастная, погибшая от кровоизлияния девушка продолжала существовать, хотя бы и с моей душой.

Да, это невероятно, невозможно, непостижимо. Но я тут. Зовут меня Лаура де Ла Фер, я младшая дочь недавно усопшего графа, у меня есть старшая сестра-погодок Каролина, живу я в государстве Франкия, весьма похожем на Францию начала 16 века, и мне всего восемнадцать лет.

И знаете, что? А ведь, пожалуй, это прекрасно!

Сегодня я решила, что пора прекращать хандрить, сходиться с ума и переживать о том, что все равно никак не могу поменять. Поэтому я встала с кровати и распахнула дверь в свой новый удивительный мир. Однако вовсе не в праздную жизнь аристократки. Насколько я поняла из рассказов сестры, мне предстояло много-много разнообразного труда, ведь наш батюшка ушел из жизни, оставив родных дочерей хоть и с крышей над головой, но без единого денье[1] в карманах.

[1] Самая мелкая денежная единица во Франции в 16-17 веках.

Дорогие читатели! Рада каждому из вас! :)

Эта книга участвует в ЛИТМОБЕ "Наследница".

По ссылке - еще несколько интригующих книг в жанре "бытовое фэнтези":

<https://litnet.com/shrt/V883>

Глава 2.1

Обеденный зал в замке был не настолько огромен, как я себе навоображала поначалу: комната, конечно, просторная, но вовсе не пиршественные палаты. А вот про уют говорить не приходилось, голые каменные стены и такой же пол вызвали желание немедленно настелить везде ламинат и поклеить обои. Хотя первое, что я ощутила, ступив под высокие своды зала, это восторженное удивление от «музейной» реальности: надо же, жили ведь так когда-то люди! Ходили по этим холодным неровным плитам, сидели за темным дубовым столом на твердых стульях с резными спинками, любовались портретами и кабаньими головами, развешанными по стенам. Но ощущение почти сразу исчезло, уступив место пониманию: теперь здесь живу я, это мой дом, это МОЯ реальность.

Вот поэтому ламинат, срочно! Или хотя бы линолеум.

С этими вынужденно ироничными мыслями я присела в уголке стола в ожидании Каролины и обещанного Розиттой завтрака. Тетушке Флоранс еду приносили в личные покои. Сейчас, после трех дней моего внутреннего перерождения, одетая по всем правилам в нижнюю сорочку и длинное платье из рыжевато-голубого сукна, я и правда чувствовала некое родство с этим местом. Возможно, и даже скорее всего, во мне говорила память тела Лауры, постепенно сливающаяся с мо-

им сознанием. И все же странным образом я не ощущала отторжения от окружающего мира.

Кабаньих голов, впрочем, в зале не имелось, а что касается портретов, то они действительно украшали комнату. Три некрупных полотна: на одном, написанном в узнаваемой манере раннего Возрождения, красовался внушительный господин в зеленой парче; на втором, явно кисти кого-то из нидерландских живописцев, — большое семейство в средневековых одеяниях; и наконец на третьем была изображена семейная пара с двумя девочками лет пяти.

Сердце дрогнуло. Я встала и подошла поближе, чтобы рассмотреть картину внимательней. Да, похоже, это именно они, граф и графиня де Ла Фер с дочерьми. Отец Лауры выглядел очень представительно: плотный мужчина с черной бородой и усами, он смотрел на меня с легкой снисходительностью, словно не воспринимая всерьез. Русоволосая женщина на портрете находилась в тени мужа: очень миловидная, но внешне хрупкая, если не сказать болезненная. Взгляд у нее был мягким и спокойным, однако каков ее характер на самом деле — загадка.

Зато по девочкам все можно было сказать сразу. Малышка-красотка с пепельно-русыми волосами, добрыми глазами и капризными губками своей позой и всем видом заявляла: «Я балованный первенец, возьмите меня на ручки, восхищайтесь мной, обожайте и ни в коем случае не рассказывайте о трудностях этой жизни, но и я в ответ буду души в вас не

чаять». А голубоглазая темновласка смотрела на зрителя одновременно доверчиво и серьезно, будто спрашивала: «Эй, мир, ты какой? Хороший же, правда? Давай ты будешь хорошим. Я вот хочу тебя любить. А ты меня?»

Против воли я улыбнулась и с легкой печалью прикоснулась к младшей из сестер на картине. Бедная девочка, где бы ты ни была, надеюсь, тебе там хорошо.

— О, ты уже здесь? — раздался звонкий голосок Каролины, возникшей на пороге. — Очень вовремя. Я как раз велела Розитте и Татин подавать завтрак.

В этот миг в зал вошла служанка с подносом и принялась выставлять на стол керамические миски с дымящейся гороховой кашей, ломтями свежее испеченного хлеба, кусочками желтого сыра с крупными дырками и горсткой земляники. В кувшине, поставленном передо мной, плескалось нечто вроде компота. Хотя я бы не удивилась, если бы там оказался эль или даже вино.

Институтские лекции, тонны прочитанных книг Дюма, Гюго, Дрюона, а также исторических трактатов, стали для меня теперь громадным подспорьем. Например, пока я разглядывала глубокие тарелки, выполненные в технике майолики, и бокалы зеленого стекла, в моей голове болтался факт, что в Средневековье и в эпоху Возрождения люди почти не пили воду, не без оснований полагая ее небезопасной. Чуть ли не с детства они хлебали пиво, эль и медовуху, а кто побогаче — вино. Молоко, бульоны и фруктовые напитки,

конечно, тоже никто не отменял, но в целом, предпочитали слабый алкоголь.

С другой стороны, я держала в уме то, что мир, в котором я оказалась, не был полностью идентичен прошлому моей Земли. Да, многое повторялось один в один, но не всё. Заходя выяснив у Каролины, что живем мы в годы, примерно соответствующие земным двадцатым-тридцатым годам 16 века, я уже начала подмечать отдельные расхождения. Помимо не вполне привычных названий стран (не всех, но многих), встречались и другие отличия. Скажем, местная мода являла собой смесь поздней готики, английского Возрождения и голландских одеяний середины 17 века. А король Франциск I, которого успела упомянуть сестра, был к этому моменту чуть старше своего земного «оригинала».

Поприветствовав Каролину, я вернулась за стол и после ее краткой молитвы, приступила к трапезе, продолжая оглядывать все вокруг. Сестра истолковала мой интерес по-своему.

— Ты права, кредиторы вынесли все мало-мальски значимые полотна, и здесь стало совсем тоскливо. Хоть родичей позволили оставить. — Она всплеснула руками. — Господи, Лаура, какое счастье, что ты очнулась. Я совершенно, совершенно не представляю, что нам делать! Батюшка в могиле, деревни проданы, господин де Вассон теперь служит у герцога. Он, конечно, оставил за себя Жиля, но тот еще так молод, а я ни одного счета в руках ни разу не держала. На что мы будем жить?! Как?! Единственная надежда — что герцог

де Монморанси не бросит нас. Все-таки наш отец был его наставником. Герцог щедр с близкими соратниками, он подарил батюшке этот замок, так может, теперь позаботится и о его дочерях? Посмотри, чем мы вынуждены питаться!

А чем мы питаемся? Прекрасная еда, по-моему. Никаких пестицидов, натуральный продукт.

— Каролина, — осторожно начала я, едва сумев вклиниться в эмоциональную речь сестры, — думаю, постепенно мы сможем разобраться с нашими неприятностями. И я с радостью помогу тебе. Но... я ведь тебе уже говорила, что еще не до конца пришла в себя. Это ужасное происшествие с лошадью... Порой теперь моя память подводит меня самым болезненным образом. Бывает, из нее выпадают имена, лица, события. Особенно события последних лет — я помню их весьма смутно. Прошу, помоги и ты мне, пожалуйста. Не бойся рассказывать что-то в подробностях. Даже если я все это знаю, мне полезно будет получить подтверждение, что память меня не обманывает.

— О... да, конечно, я могу. А про что ты хочешь послушать?

«Про всё!» — едва не взмолилась я. Но начала скромно — с вопросов про поместье...

2.2

Завтрак стоил мне не меньше сотни седых волос, ибо вопросы сестре приходилось задавать очень осторожно, чтобы не выдать себя. Впрочем, у меня сложилось впечатление, что Каролина настолько сосредоточена на себе, что меня, то есть Лауру, по жизни воспринимает, будто сквозь дымку собственных забот. Да, мол, живет тут такая, я ее люблю, но вникать в характер ее личности буду лишь тогда, когда это сказывается на мне.

Со временем, разумеется, Каролина заметит, что ее сестра существенно изменилась, но есть надежда, что спишет это на мою травму и в корне поменявшиеся обстоятельства жизни.

А в основных вещах мы с Лаурой оказались невероятно похожи: обе были себе на уме, взрываясь эмоциями лишь в крайних случаях, обе обожали книги и всякую домашнюю живность, обеим нравилось гулять на природе и копать в саду. Родственные души...

Вот на природу я и решила выбраться. Уже очень хотелось проветриться, поразмышлять в тишине и посмотреть снаружи на замок и прилегающие уголья. Каролина пыталась отправить со мной служанку, — а вдруг мне снова станет плохо, — но я отказалась. Сестра проворчала, что, похоже, никогда не сможет научить меня хорошим манерам: где это видано, девица одна по лугам бродит! Но в итоге отпустила.

Я подошла к главному выходу и, глубоко вздохнув для храбрости, распахнула двустворчатые двери.

На улице стояло лето! Восхитительный, невероятный июнь! На меня разом обрушились запахи еще влажных от росы трав, распускающихся цветов, нагретого камня, текущей воды и... немного конюшни. Но даже конюшня идеально вписывалась в этот невероятный коктейль ароматов.

Природа. Солнце. Свобода. Юность...

Миновав мощенную камнем площадку, я отошла подальше, чтобы рассмотреть замок во всей красе. Небольшое шато песчаного цвета в своей основе имело средневековый донжон[1] и еще пару сохранившихся с тех времен помещений. К ним, судя по всему, не так давно были пристроены более современные крылья в два высоких этажа, с треугольными крышами, напомнившие мне своими очертаниями замок Шантийи, фотографии которого я всегда разглядывала с огромным удовольствием.

Несмотря на некоторую эклектичность, смотрелось здание неожиданно гармонично — зодчие, кем бы они ни были, постарались на славу. Отдельно стояли хозяйственные постройки, в том числе конюшня и скотный дворик, и дом для слуг, который, вполне возможно, раньше был отдельной кухней — сейчас же кухня находилась в основном здании. Вероятно, когда-то домик был полон челяди, но теперь он выглядел пустым. Все, кто еще остался служить при замке, вполне помещались на втором этаже левого крыла шато.

Прямо возле замка текла река, то ли Шер — один из притоков полноводной Луары, то ли Йевр — приток, собственно, Шер. С этим я еще не разобралась, хотя уже стало ясно, что поместье находится в Берри, именно там, где оно и должно быть по словам Дюма. Надо сказать, что поняв это из разговора с Каролиной, я испытала нечто вроде священного трепета.

В моем мире городок Ла Фер когда-то принадлежал семейству Куси, в котором были и бароны, и графы, но их род прервался задолго до описываемых в «Трех мушкетерах» событий, а прототипом Атоса стал мушкетер Арман де Сийег д'Атос д'Отвиль, не имевший никакого отношения к земле Ла Фер.

Но здесь, в этом мире, все было так, как в романе!

Графство Ла Фер в провинции Берри; замок, подаренный предкам Атоса герцогом Анном де Монморанси. И по-видимому, отдаленное, но все же родство отца Каролины и Лауры с герцогом. Все точно, как описывал Дюма!

Неужели я попала в ту ветку реальности, которая образовалась под влиянием земной литературы? Мысль в чем-то пугающая, но не такая уж сверхъестественная, если подумать. В начале, как мы знаем, было Слово. А слово — это сильная «магия», меняющая реальность. Как часто произнесенное слово оказывает реальное воздействие на людей и мир! Словом можно ранить, а можно исцелить. Словом можно поднять народы на кровавую революцию, или наоборот

призвать к миру и повелеть «не убий». В начале было Слово... И возможно, именно словом — словом литераторов, — его почти мистической энергией, силой воображения, которое пронзает время и пространство, и был сотворен этот мир.

Невероятно!

Я даже остановилась, пораженная своей догадкой. Нет, конечно, я не могу претендовать на истину в этом вопросе, но кто знает...

Когда меня снова отпустило, я побрела дальше, глаза по сторонам. Вокруг шато был разбит парк, окруженный невысокой оградой, оттуда доносился тонкий аромат роз. Кустов роз и шиповника действительно оказалось очень много, а еще — флоксы, сирень, гортензии, рододендроны, вербаскум... Какое богатство! Мои глаза не могли насмотреться на эту красоту, пусть и слегка запущенную. Это все поправимо, были бы руки и желание.

В дальнем углу парка я нашла небольшой огород, что меня, в принципе, не удивило — где-то же нужно выращивать овощи и травы для обитателей замка, чтобы не посылать за ними каждый раз в деревню или на базар.

А вот за оградой начиналось открытое пространство: луга, лес и нечто похожее на возделанные плодовые сады. Каролина говорила, что как раз сады и одна деревушка с окрестными полями — это то, что еще осталось во владении графства Ла Фер, после распродажи имущества за отцовские долги.

До садов было далеко, но я решительно направилась в их сторону. И тут из-за небольшого деревянного сараюшки, возведенного рядом с огородом, вынырнул давешний юный извращенец. Жиль — так его звали, по словам Каролины. Вынырнул и застыл с открытым ртом.

Я тоже вздрогнула, замирая на месте.

[1] Донжон — главная башня в европейских феодальных замках.

2.3

Взгляд Жилия заметался испуганной мышью, руки судорожно скомкали подол рубашки, торчащей из-под суконного жилета. Парень дернулся в одну сторону, в другую, явно не зная, что лучше: то ли позорно сбежать, то ли сделать вид, что все в порядке и он идет по своим делам. Жиль не был уверен, что я помню произошедшее в моей спальне, ведь я тогда действовала в полубессознательном состоянии. Но и не был уверен, что — не помню.

Я в свою очередь тоже порядком растерялась. Про случившееся я никому не рассказала, сначала хотела понять, кто этот юноша, не примерещился ли он мне, и что там вообще за история. Вдруг у Лауры была с этим задохликом взаимная любовь, а я растопчу ее на корню? Вряд ли, конечно, но чего только в восемнадцать лет гормоны не придумают.

Однако из обрывков фраз, которые бросала Каролина, я пришла к выводу, что любовь, если и имелась, то исключительно со стороны Жилия. Сын безземельного дворянина шевалье де Вассона, он буквально на днях был оставлен отцом в качестве управляющего поместьем Ла Фер, тогда как сам отец благополучно перебрался на теплое местечко в один из дворцов герцога де Монморанси. Ну, правильно, у нас тут больше ловить нечего. И все же, за сына он не похлопотал, зачем-то велел ему работать здесь.

Нужно разобраться.

Прошлая я ненавидела конфликты и стремилась избежать их любой ценой. И порой цена эта перевешивала сбереженные нервные клетки. Нынешняя я, переродившаяся, чудом получившая шанс на новую жизнь, конфликты не любила по-прежнему, но хотела научиться их решать.

— Господин Жиль де Вассон, будьте любезны, подойдите сюда, — ледяным тоном произнесла я, в упор глядя на поникшего юнца.

Он не осмелился перечить и медленно приблизился, бледнея с каждым шагом.

— Мадемуазель Ла... — замямлил он.

Но я сурово его оборвала:

— Господин де Вассон, ваш батюшка должен был достойно подготовить вас, прежде чем поручить управление этим владением, не так ли?

— Д-да... наверное... он обучал меня.

— Значит, вы обязаны неплохо разбираться в вопросах финансов, а также быть сведущим в области права.

— Ну, я... может быть, не очень, но...

Он по-прежнему не понимал, куда я клоню.

— Так что же, хорошо ли вы знаете законы нашего государства?

— Я старался быть прилежным в обучении. Д-думаю, я...

— Тогда подскажите мне, пожалуйста, как именно карается покушение на честь дворянки в ее собственном доме?

Цвет лица Жилия сменился с белого на зеленый.

— Ваше сиятельство... я... помилуйте. — Парень кулем свалился на колени, а затем и вовсе распластался у моих ног. — Помилуйте, милосердная мадемуазель...

Надо же. Даже не попытался оправдаться или все отрицать.

Я смотрела на валяющегося в траве юнца и понимала, что не вяжется его облик и поведение с образом заправского насильника и растлителя невинных дев. Понятно, что знакома я с ним без году неделя и ничего о его «облико морале» не знаю, но нет, не тянет парень на развратника и интригана с такой-то вялой жизненной энергией и малодушием.

Отца Жилия я и вовсе ни разу не видела, но мне не нравился этот его финт с поспешным устройством к герцогу — мог бы хоть из жалости довести дела поместья до логической развязки, а не бросать сразу после смерти владельца. А еще в голове упорно всплывали первые слова Жилия, которые я услышала, едва оказавшись здесь: «Отец попросит за меня у герцога де Монморанси, тот — у короля...»

Интуиция тоненько пищала, что все это не похоже на спонтанное вожделение озабоченного дворянчика, а выглядит, как продуманный план.

Но кто его продумал? Вряд ли вот это недоразумение в прыщах.

Я знала, что рискую, и все же попробовать стоило.

— Господин Жиль, что такого наговорил вам ваш отец,

что вы решились на столь немыслимую подлость?

Спина у парня дернулась, он робко поднял голову, уставившись на меня со смесью удивления и страха.

— Отвечай честно, Жиль, — направила я. — От этого полностью зависит твоя жизнь.

Юнец испустил вздох, способный сдуть с дороги средних размеров корову.

— Я не хотел, — наконец изрек он. — То есть хотел... то есть, мадемуазель Лаура, вы свет моих очей, и я давно желал просить вашей руки, как полагается. Но батюшка объяснил, что вы никогда не обратите внимания на безродного дворянина. И даже несмотря на ваше нынешнее бедственное положение, у меня нет шансов. Он сказал... единственная возможность — это сделать ситуацию безвыходной. В таком случае король не будет против нашего союза. Сказал, что со временем вы сможете понять и простить меня, а я непременно буду вам хорошим мужем, и все забудется, станет благополучно. И когда вы лежали без чувств после случая с Ронни, отец узнал и велел... велел мне не медлить.

Голос его слабел с каждой произнесенной фразой, а потом отказал вовсе.

Я удрученно покачала головой:

— Вы отдаете себе отчет в том, что ваш отец вовсе не заботился об устройстве вашей жизни, а собирался самым бесчестным образом завладеть графством, пользуясь вашей невероятной... даже не знаю, как это назвать!.. безголово-

стью? неопытностью? идиотизмом?

— Но я... Господи милостивый. Мадемуазель Лаура, я даже не думал об этом!

Ты не думал, это факт. У тебя в голове в лучшем случае опилки, а ведь ты еще числишься нашим управляющим. Наказание Господне!

Вслух я этого, конечно, не произнесла.

— Вы — не думали, а ваш батюшка — да. И теперь, надеюсь, подумаете о том, что я имею права просить защиты у герцога де Монморанси, а то и у его величества. Речь в этом деле идет не только обо мне, но и о нашем с сестрой графстве, часть которого была подарена нашей семье самим герцогом.

Кажется, Жиль не притворялся, он и в самом деле был потрясен.

— Если все так, то моя вина и вина моей семьи перед вами не имеет предела, — пробормотал он.

— Жиль, вы действительно любите меня? — резко спросила я.

— Мадемуазель... да, я испытываю к вам эти светлые чувства.

— И вы полагаете, что обесчестить девушку — это такое особое проявление любви?

— О, нет! Конечно нет. — Парень посмотрел на меня взглядом побитого пса и шмыгнул носом. — Я не смею просить вас о прощении, мадемуазель Лаура, только хочу, чтобы

вы знали, я раскаиваюсь в своем гнусном поступке. И моя жизнь в ваших руках.

Он снова собрался было пасть ниц, однако мой следующий вопрос остановил его.

— Как вы оцениваете поведение своего отца, Жиль?

Я снова удивила его. Однако парень, по всей видимости, не был законченным мерзавцем, кое-какая порядочность ему таки оказалась присуща, потому что ответил он довольно искренне, на мой взгляд:

— М-мне с самого начала претила эта идея, но я был ослеплен своими желаниями и поддался искушению. Предложение моего батюшки... оно отвратительно по своей сути. Теперь я вижу это со всей ясностью.

Эй-эй, зайчик, вот только реветь не надо. Ты же большой мальчик!

— Жиль, — вздохнула я, — вы собираетесь всю жизнь провести под отцовским крылышком, руководствуясь его представлениями о чести и морали?

Парень ответил не сразу, как будто всерьез задумавшись над вопросом. Я не торопила. Есть вещи, которые только сам человек может для себя сделать. Перевоспитание личности — именно такая штука. Никакие чужие слова, увещевания, угрозы — ничто не заставит человека измениться, кроме внутреннего озарения и личного желания перемен.

— Я бы хотел жить своим умом, — тихо ответил он в конце концов. — Если у меня будет возможность, я отдалюсь от

родителя и постараюсь вести жизнь, быть может, не угодную ему, но ту, что по душе мне самому.

— А какая жизнь вам по душе?

— Знаете, я бы с удовольствием переехал в Париж и посвятил себя изучению латинской литературы и эллинистики,
— мечтательно сказал Жиль.

Я еле сдержалась, чтобы не улыбнуться, а то испортила бы весь воспитательный эффект. Ну зайчик же, как есть зайчик.

— Скажите, Жиль, вы готовы исправить причиненный мне вред? И получить перспективу не зависеть от отца?

— Это... возможно?

— Да. Но в этом случае вы поклянетесь честью и сердцем вашей матушки, что отныне будете служить мне верой и правдой. А если хоть в чем-то оступитесь, да покарает вас Бог и земное правосудие.

«Грозна, как полки со знаменами»[1], — едва не расхохоталась я от собственной пафосности.

— Я поклянусь вам! — с готовностью согласился Жиль, глядя на меня преданней Хатико.

Вот и чудно. Одной проблемой в поместье меньше и одним шпионом в стане врага больше. Я только начала вникать в местную жизнь, но уже совершенно ясно, что глаза и уши при сильных мира сего, а таким несомненно является герцог де Монморанси, мне не помешают. Отец Жили служит у герцога — значит, путь добычи информации у меня есть.

Наставлять парня буду постепенно, а пока пусть гуляет. И

осознает свои ошибки!

Сделав последнее «страшное» внушение, я отпустила Жиля восвояси, приказав ему подготовить для меня отчет по состоянию финансовых дел графства. А сама вновь устремилась к вожделенному саду, который манил меня к себе с самого утра.

[1] «Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?» (Библия, Песня Песней 6:10)

Глава 3.1

Не то чтобы я была великим садоводом и агрономом, на самом деле — обычной женщиной, которая вместе с мамой немножко занималась дачным участком, пока мы его не продали. Чуть-чуть знаний тут, чуть-чуть умений там, но и только. И все же чем ближе я подходила к кривоватым рядам таких знакомых и любимых деревьев, тем сильнее росло в груди ощущение беспричинной радости.

Добравшись до первых стволов, я коснулась шершавой коры причудливо изогнутых веток, погладила зеленые листики, подметила многочисленные завязи и уже наметившиеся плоды. Яблони... Много яблоневых деревьев самых разных размеров и сортов. А вон там дальше еще и груши. Сколько же их тут всего?

Я окинула взглядом простирающиеся сады, пытаюсь оценить масштабы нашего с сестрой то ли счастья, то ли бедствия. Не меньше гектара точно, а то и больше. В старофранцузских единицах измерения я даже не стану пытаться это посчитать. Какие тут сейчас в ходу: пёрши, туазы, арпаны? Не-не, в жизни в них не разберусь!

С полчаса я гуляла между деревьями, смотрела, что здесь растет, и вскоре поняла, что ни одного знакомого мне сорта тут попросту нет. Возможно, когда нальются яблоки, я смогу разобраться что к чему, но по-честному, никаких «Грен-

ни Смит», «Рэд делишес», «Антоновки» и «Голденов», которые мы знаем в нашем мире, здесь еще не может существовать. Все современные нам сорта выведены селекционерами или появились в результате случайного скрещивания где-то в 19-20 веках. Конечно, сохранилось до наших дней и несколько более древних видов, типа «Кальвиля», и, наверное, я их узнаю по плодам (картинки-то в садоводческих журналах видела), однако по листьям и стволам — точно нет.

Ну что ж, яблоки и груши — это, во-первых, красиво и вкусно, а во-вторых, это товар, который можно сбыть, и выручить деньги для нашего поместья. Каролина обмолвилась, что сады достались батюшке вместе с шато в качестве подарка от герцога. Пока за графством числилось несколько деревень с крестьянами и было кому обрабатывать землю и ухаживать за деревьями, собранные яблоки шли на продажу на крупные ярмарки в окрестных городах. Потом деревни постепенно начали утекать от графа к другим хозяевам, и ухода за садами стало гораздо меньше.

Вероятно, многие, если не все, деревья потребуют обрезки, обработки от вредителей и подкормки. Думаю, с этим мы справимся, нужно только понять, чем тут можно заменить привычные препараты из магазина. Всякие компосты, перегной, навозы — это ясно. А вот паразиты и парша... Что там мама делала? Были у нее вроде настои из конского щавеля, лука, чеснока, полыни и чего-то еще. Надо будет хорошенько порыться в памяти и записать — видела у Розитты бумаж-

ную книжицу, куда она заносила списки продуктов и рецепты, вот и себе такую заведу. Да и местные крестьяне должны советами помочь, пусть я и не очень доверяю средневековому земледелию.

Забравшись в самую глубину садов, я остановилась возле ряда высоченных яблонь. На ветви одной из них, опустившейся чуть ли не до земли, я заметила россыпь крохотных еще яблочек и, потянувшись, сорвала малюсенький плод. Как в детстве, обтерла его об рукав платья и рефлекторно сунула в рот. Ух, кислющий! И горьковат немного. Ну, ничего, подрастет, наберется сладости.

Хотя, погодите... кислый? горький?

От внезапно пришедшей в голову мысли, меня аж обдало жаром. Я стиснула надкусанное яблочко в кулаке. Ох, а если и впрямь попробовать... Надо обязательно будет разведать обстановку, посмотреть, что у нас с сестрой есть в хозяйстве и решить. Вдруг получится.

Сидр!

Ну конечно. Яблони и груши просто-таки вопиют о нем.

Начало шестнадцатого века... В той же Нормандии его уже должны вовсю производить. Однако, если я правильно помню, он пока больше похож на брагу и не имеет того изысканного вкуса и вида, который позднее, когда люди научатся отбирать для сидра правильные сорта яблок и вырастят новые их разновидности, станет райским напитком, подаваемым на стол королям.

Хм... Но ведь я-то *уже* кое-что об этом знаю. Мы с мамой даже делали свой домашний сидр на даче. Это, разумеется, не фермерское производство — и все же небольшой опыт у меня есть.

Я улыбнулась, подкинула огрызок на ладони и запульнула его в просвет между деревьями. И тут же откуда-то с верха яблони послышался громкий «тяв».

От неожиданности я вздрогнула, задирая голову, чтобы посмотреть, с чего это яблоне вздумалось тявкать. Или, может, в этом мире есть летающие собаки? А я как на грех без зонтика.

«Тяв-рргов», — сказали мне с высоты еще раз.

Затем наверху послышалась возня и приглушенный шепот:

— Матис, ну тихо же, ну прошу тебя. А то отберут.

Я подошла вплотную к стволу и раздвинула нижние листья.

Так и есть, где-то на высоте пары метров от земли виднелись две босые грязные пятки, а еще чуть повыше — четыре не менее запачканные лапы.

— Эй, там, на фок-мачте, далеко ли до земли? — весело спросила я.

Возня на яблоне на миг прекратилась, а потом задорный мальчишеский голос отрапортовал:

— Дык отсюда не меньше туаза, мамзель. А что такое фок-мачта?

— Слезай, расскажу. И собаку свою давай сюда, только осторожней. Как ты вообще ее туда затащить умудрился и, главное, зачем?

— А не отберете Матиса?

— Пса-то? Даже не собираюсь. Собаки мне только сейчас и не хватало.

Между ветвями показалась детская мордашка в обрамлении взлохмаченной шевелюры, скептически оглядела меня, затем ее обладатель, видимо, решил рискнуть.

— Щас.

Он ловко сполз на ветку пониже, одной рукой хватаясь за дерево, а второй придерживая под мышкой небольшой светлый шерстяной комок, который не преминул снова высказать свое, на это раз возмущенное, «тяв».

Я подстраховала ребенка, так и не выпустившего из рук пса, и пацан наконец-то благополучно оказался на земле. На вид ему было лет девять, не больше. А висящему на сгибе локтя щенку от силы месяца два.

— Кто будешь таков? — поинтересовалась я.

— Ноэль я, Коломбов сын. Вон деревня моя. — Мальчишка махнул свободной рукой куда-то в сторону.

Похоже, это он про наше сельцо, замку принадлежащее.

Щенку надоело изображать из себя покорную тряпочку, и он принялся всячески изворачиваться, пока Ноэль не смирился и не спустил его на землю. Матис тут же запрыгал и завилял хвостом, поставил лапы мне на платье, с готовностью

получил порцию ласки, кинулся к парнишке, а затем просто принялся носиться вокруг нас кругами.

— Где ты его такого нашел? — спросила я, глядя, как щенок пытается укусить назойливую муху, норвящую сесть ему на нос.

— Да вот сам к деревне прибился. А у нас все псы-то здоровенные. У Арно дык вообще зверюга, черный, огромный. Он его увидел, ка-а-ак рванет, зубами щелкает, глаза красные! Я дык еле успел его схватить да за забор сигануть. А потом смотрю, щен-то непростой, из благородных. Думаю, оставлю себе. И все ж боюсь, ну как вдруг это замковая сука оценилась и щенок сбежал, так меня накажут, что к рукам прибрал. Но такой же он хорошка, я его Матисом назвал и с собой гулять взял. А тут вы идете. Спрятаться ж негде, вот мы и залезли на дерево.

Говорил мальчишка немного путано, но я поняла, что он имел в виду. Присмотрелась к щенку. Удлиненное тело, висячие уши, белая шерстка, два рыжих пятна на голове и одно у основания хвоста. Похоже, паренек прав, это не дворняга, очень уж на будущую гончую похож. Такой пес и правда мог быть на вес золота. Охота — дело господское, за кражу породистого щенка крестьянин мог поплатиться рукой, а если не повезет, то и жизнью.

Как бы его легализовать?

— Ноэль, ты при мамке еще? Или к какому-нибудь делу приставлен?

— Как же не приставлен, мамзель! Я уж и в поле помогаю, и по хозяйству. Не нахлебник, чай, какой.

— Отлично, ненахлебник. Как считаешь, твои отец и мать отпустят тебя в замок служить?

Мальчишка взъерошил ладонью затылок.

— Дык не знаю. И в доме руки нужны. Но замок, он же всегда лучше, там денег больше дают, да?

Эх, парень, ты погоди насчет денег... Но что-нибудь придумаем.

— Тогда беги, спроси у родителей, как они, согласны или нет. И скажи, это тебе ее сиятельство мадемуазель Лаура предложила.

— Ох! — воскликнул мальчишка. — Так вы сиятельство! А я...

Ноэль сделал жест, будто собирается сдернуть с головы шапку или шляпу, но быстро понял, что на макушке ничего нет. Тогда он просто низко поклонился.

— Все хорошо, Ноэль. Я тут случайно гуляла, а ты не обязан знать меня в лицо. — Кстати, и правда не обязан. Возможно, он за свою жизнь господ-то и не видел ни разу. — Ну, беги домой. А если договоришься, приходи завтра в замок вместе с Матисом, я предупрежу слуг, чтобы тебя приняли и разместили.

— Спасибо, ваше сиятельство! Я спрошу! А вы мне потом про ту мачту скажите, ладно?

Мальчишка вместе с псом унеслись по заросшей тропке,

виляющей меж яблонь. Я проводила их взглядом и поняла, что успела изрядно утомиться за это утро, поэтому тоже повернула назад, в шато.

Уже подходя к дому, я увидела бегущую ко мне Татин.

— Госпожа Лаура! Скорее идите в дом, госпожа Каролина вас ждет. В замке с минуты на минуту будут гости!

3.2

Ноги сами приросли к месту, отказываясь сделать хоть шаг.

Боже, какие еще гости? Подождите, высшие существа, ну пожалуйста, подождите. Я только-только вообще начала понимать, на каком свете нахожусь и кто я такая. Едва успела с сестрой познакомиться и со слугами, а тут опять новые люди. И, наверное, непростые — раз уж едут с визитом к новоиспеченным графиням де Ла Фер. Как мне с ними общаться? С этикетом этого времени я немного знакома — спасибо моим книгам и сайтам ролевиков и реконструкторов, на которых я основательно зависала несколько лет. Но одно дело домашнее общение между сестрами и совсем другое — посторонние люди.

— Татин, а что за гости? — наконец смогла разомкнуть губы я.

— Да толком не знаю, госпожа. Они вестника вперед себя послали на быстрой лошади, тот записку привез. Мадемуазель Каролина как ее прочитала, велела Розитте стряпать срочно на десять персон, а меня к вам отправила. Надо успеть подготовиться.

В руках у меня был букет полевых цветов, которые я успела нарвать по дороге в замок. Вцепившись в него, будто в спасательный круг, я обреченно потопала к дому.

К счастью, оказалось, что Татин несколько преувеличила масштабы бедствия, и гости появятся в замке лишь часа через три-четыре. У нас с сестрой есть время, чтобы переодеться и подготовиться. А у меня — еще и чтобы продумать стратегию поведения.

Поначалу я вообще хотела сказатья больной и на законных основаниях спрятаться в спальне. Но по размышлении отказалась от этой идеи. В записке говорилось, что гости едут как раз по мою душу. Мол, герцог де Монморанси прослышал о несчастье, случившемся с Лаурой, и отправил свою молодую жену и прочих приближенных, дабы они навестили болящую и передали пожелания доброго здоровья. Ехал вместе с ними и личный врач герцога, что было, вне всяких сомнений, огромной честью для меня.

Скрываться в таком случае не имело никакого смысла. Чем быстрее посмотрят и убедятся, что Лаура вне опасности, тем быстрее уберутся восвояси. А то с них станется задержаться в замке под предлогом присмотра за мной. А нам с сестрой такую ораву кормить, простите, нечем. Они же еще и не одни приедут, а с кучей слуг, которым тоже нужно что-то есть.

Поставив букетик в вазу, я пошла проверить, как обстоят дела у Розитты. Дела обстояли так себе, и я отправила ей в помощь одну из горничных. А сама заглянула к сестре, чтобы вместе с ней переодеться в подобающий событию наряд. Камеристка у нас с ней была теперь одна на двоих — Татин, и чтобы облегчить девушке работу, мы обе обосновались в

покоях Каролины.

Я предположила, что гардероб сестер существенно уменьшился за последнее время, так как платья аристократок с их богатыми тканями и нашитыми на лифы драгоценными камнями тоже могли представлять ценность для кредиторов. В целом, так оно и оказалось: кое-какие наряды пришлось разобрать на составляющие, чтобы выручить за них столь необходимые деньги.

Но, как выяснилось, Каролина мужественно, точнее, женственно сражалась за каждое платье, так что некоторый запас у нас остался. Пострадала только отделка — драгоценные камни ушли почти все, сохранить удалось лишь те, что попроще: аметисты, бирюзу, топазы, опалы и все в таком духе. Никаких алмазов с сапфирами, конечно. Татин на пару с рукастой горничной (которых у нас тоже было раз-два и обчелся) постепенно перешивали камешки, восстанавливая утраченные нарядами детали, так что по паре приличных платьев у нас с Каролиной имелось.

Сестра облачилась в котт из золотистой парчи, с боями отвоеванный у кредиторов, а поверх надела слоновой кости роб[1], верхняя юбка имела огромный разрез спереди, благодаря чему парча представала во всей красе. Мне же досталось светло-салатовое платьице с расшитым мелкими цветами лифом. Выглядело оно попроще, чем у сестры, но Каролина — старшая, и ей по статусу требовалось выглядеть представительней.

Татин по-быстрому заплела наши волосы в косы и убрала их в золотые сеточки, закрепленные на затылке. Эти сетки были единственным нашим украшением. И еще родовое кольцо матери на пальце у Каролины. Все остальные колые, серьги и браслеты растворились в ненасытной утробе батюшкиных долгов.

— Волнуюсь за обед, — сказала Каролина, нервно теребя в руках нежный батистовый платок. — Боюсь, наши гости будут весьма разочарованы. Раньше батюшка с матушкой устраивали достойные пиры, у нас бывали представители самых могущественных семей королевства. А что теперь? Розитта в спешном порядке изобретает, как подать одного и того же гуся, чтобы казалось, что это разные блюда!

Мы уже спустились вниз и ожидали прибытия аристократии в большом зале, куда выходили парадные двери. Сестра ерзала, сидя в кресле, а я задумчиво расхаживала по комнате, размышляя, с чего бы всемогущий герцог, друг самого Франциска I, озабочился здоровьем какой-то разоренной графини? Не иначе как месть Вассон-старший идейку подкинул. А как гости с доктором приедут, так и засвидетельствуют, что девица Лаура уже не очень девица и ее срочно нужно выдать замуж за некоего Жилия де Вассона. Но нет, просчитались вы, господин хороший...

— А что нам выгодней, — спросила я у Каролины, выныривая из своих дум, — чтобы нас пожалели или чтобы сочли, что мы прекрасно справляемся?

Сестра помолчала, потом пожала плечами:

— Я не думала об этом, если честно. Но все, что нам с тобой остается в нашем положении, это удачно выйти замуж, причем срочно! Мне и так уже целых девятнадцать лет. Еще год-другой, и невеста-перестарок никому не будет нужна! А так мы уйдем в семьи супругов, перестанем беспокоиться о хлебе насущном, и помещьем займется кто-то из наших мужей. Возможно, его окончательно продадут...

— То есть как мужей? Как продадут? — не сдержалась я.

Ничего себе заявление. Я тут, значит, обживатьсь начала, яблочки-цветочки себе присмотрела, а она «продадут»... Это же не бриллианты, которые хоть и красивые, но — камни. Это — земля, живые люди и, в конце концов, родовое гнездо, которое можно передать по наследству.

— Было бы разумно, если бы одна из нас сохранила графство за собой, — произнесла я осторожно.

— Если супруг пожелает, так и будет. Но сможешь ли ты уговорить мужа поддерживать жизнь в обнищавшем поместье — вот большой вопрос.

— Что-то я пока не хочу замуж, — пробормотала я.

Сестра вытаращилась на меня, как на единорога, сошедшего со страниц Каролингских манускриптов[2].

— Прости, мне на мгновение померещилось, ты сказала...

— Тебе померещилось. — Я перестала дефилировать туда-сюда, остановилась и в упор посмотрела на сестру. — Нам все равно не удастся ничего скрыть, пусть видят правду: мы

теперь бедны, но держимся с достоинством. Даже если наш титул передан нам временно, «на хранение»[3], все равно мы — графини де Ла Фер, не последние дворянки в обществе и при королевском дворе. Я думаю, ты сможешь составить кому-нибудь хорошую партию. Главное, не выскакивай за первого встречного, прошу тебя. Это же на всю жизнь!

Я чуть было не оговорила: «Здесь, у вас».

Каролина вздохнула.

— Ах, если бы наш батюшка не разорился сразу после того, как представил нас в свете, мы бы уже и горя не знали. Тот же граф де Граммон оказывал мне недвусмысленные знаки внимания на балу в Блуа... Но сейчас он уже женат. Правда, говорят, что...

Сестра не успела закончить фразу. За окном послышался шум: топот копыт, грохот колес по брусчатке и громкие голоса.

— Они здесь, — прошептала я и непроизвольно сжала ручку веера, которым снабдила меня предусмотрительная Татин. Веер жалобно заскрипел.

[1] Котт — платье с узкими рукавами, часто из дорогой узорчатой ткани. Обычно надевалось под низ другого платья, которое называлось роб.

[2] Иллюстрированные рукописи, в основном богословского содержания, эпохи Каролингов, 8-9 вв. н.э.

[3] При отсутствии наследников мужского пола у аристо-

крата, его дочь становилась хранительницей титула, передавая его затем своему старшему сыну. В редких случаях женщина могла получить титул «по праву». Тогда она являлась полноправной обладательницей титула (за исключением некоторых моментов), который могли наследовать ее дети, но не муж.

3.3

Первое знакомство с прибывшей аристократией прошло немного сумбурно. Большую часть времени я пряталась за сестрой и приседала в реверансах. Все эти графы, виконты и баронессы накатили пестрой волной, окружили нас приветствиями и удивленными поздравлениями по случаю моего быстрого выздоровления и столь же стремительно схлынули, удалившись в приготовленные для них покои в сопровождении собственных и наших слуг.

Лишь один раз я внимательно всмотрелась в представленного мне мужчину, потому что Каролина произнесла его имя с таким придыханием, что меня это инстинктивно встревожило.

— Граф де Граммон... какая приятная неожиданность.

Сестра буквально растеклась в реверансе перед статным чернобородым мужчиной лет тридцати пяти, одетым в дублет и штаны из черного бархата с причудливой золотой вышивкой. Внешне граф выглядел, как лощеный щеголь, но жесткие, будто вырубленные из камня черты лица и цепкий ястребиный взор мгновенно сводили первое впечатление на нет. Во всяком случае — мое впечатление. Однако Каролина, похоже, представляла его сиятельство в каком-то ином свете.

— Рад застать вас обеих в добром здравии, — учтиво по-

клонился граф. — Наш герцог, едва получив вести из Ла Фер, был весьма обеспокоен состоянием мадемуазель Лауры. Все же речь идет о дочери одного из самых близких его соратников и наставников. Он попросил нескольких доверенных лиц провести вас, а поскольку мы с кузеном по случаю гостили у него, то сочли своим долгом присоединиться к этой благородной миссии.

— Ах, вот чем мы обязаны вашему присутствию! — воскликнула Каролина. — Его высочество так добр к нам, и вы тоже...

Сестра зашебетала о предстоящем обеде, затем предложила гостю проследовать в выделенные ему комнаты, дабы освежиться с дороги. Граф де Граммон вежливо раскланялся и удалился, но напоследок... Сестра занималась следующим прибывшим, поэтому не заметила, какой взгляд он кинул на нее, уже почти скрывшись в длинном коридоре.

Заметила я.

Его глаза словно поймали Каролину в стальную клетку и со скрежетом защелкнули на этой клетке замок. Он смотрел на мою сестру, как на прекрасную птицу... которая не должна летать. Которая должна сидеть подле него. Пока не потускнеет оперенье и не сорвется голос... Всего лишь один взгляд — но именно такие сравнения пришли мне на ум. И я вздрогнула, когда глаза де Граммона вдруг скользнули по мне. Ястреб на охоте, резкий, хваткий, не упускающий своего...

Наваждение длилось только один миг и прошло, едва зрительный контакт был разорван. Я тряхнула головой. Привидится же! Нет, я не собиралась игнорировать предупреждения своей интуиции, однако и возводить на человека напраслину тоже не хотелось. Моя сегодняшняя душевная тревожность могла сыграть со мной злую шутку, так что поживем — увидим.

Как минимум на одну ночь гости должны были остаться в шато, и сейчас все они удалились, чтобы переодеться из дорожной одежды в платья и костюмы для обеда. Я немного выдохнула.

Зато на обеде мне представилась возможность рассмотреть высшее общество во всем его великолепии.

Во главе стола посадили старушку Флоранс, которая привлекала внимание собравшихся не меньше, чем Мадлен Савойская, юная жена герцога де Монморанси, почтившая нас своим присутствием. Но если с герцогской супругой все ясно — она тут самая знатная дама, — то почему наша блаженная тетушка вызывает у гостей такой интерес, лично мне оказалось не совсем понятно.

Единственное, что удалось узнать за эти дни, так это имя нашей старушки: графиня Флоранс де Шайи де Пентевьер де Арразола. Судя по количеству «де» и упоминаемых фамилий, она состояла в отдаленном родстве с франкскими королями и знатным испанским (или, по-местному, гиспанским) родом. Каким образом тетушка пересекалась с семьей Ла

Фер, я была не в курсе, но некие кровные узы, возможно, по линии мужей-братьев-сестер, точно имелись.

Если я правильно поняла, когда Каролина и Лаура окончательно осиротели, единственной родственницей, которая могла сойти на роль опекуна сестер до их совершеннолетия, стала именно Флоранс де Шайи. Формально она даже не была нам тетушкой, но за отсутствием иных кандидатур, пришлось брать, что дают. Каролина говорила, что есть еще какая-то тетка, но та вышла замуж за алеманнского барона и давно исчезла с земель Франкии.

И все же любопытные взгляды, кидаемые на тетушку Флоранс всеми гостями, заставляли задуматься.

Герцогиня Мадлен, молоденькая девушка, живая и любознательная, расположилась на столь же почетном месте — на противоположном конце стола. Одета она была в богато отделанное платье излишне просторного кроя, что наводило на мысли о ее интересном положении.

По правую руку от герцогини восседал граф Оливье де Граммон, а по левую — Ричард д'Обинье, его далекий кузен из Инглангии, тоже носивший графский титул. Ничего необычного в таком родстве не было: в земных Франции и Англии многие дворянские роды тоже тесно переплетались между собой; поэтому «кузену Ричарду» я не удивилась. Сидел он почти напротив меня, и, невольно сравнивая обоих мужчин, я отмечала как их природную красоту: волнистые кудри цвета воронова крыла, аккуратные бородки, высокие

лбы, прямые носы, — так и очевидные различия в характерах.

Граф де Граммон по-прежнему производил впечатление жесткого и властного сеньора, тогда как Ричард выглядел более мягким и дружелюбным. Конечно, о его сердечности судить было рано, но я безотчетно залюбовалась «англичанином», когда он широко улыбнулся в ответ на какую-то реплику герцогини. Хорош, зараза, и чем-то похож на моего Лёню, даром что брюнет.

Виконт де Бейль, уже пожилой седой мужчина, со столь же возрастной супругой большую часть обеда просидели молча, уткнувшись в тарелки, лишь изредка обмениваясь между собой тихими фразами. Угрюмости в них не чувствовалось, но они явно предпочли бы нашему собранию спокойное общество друг друга.

Зато баронесса Эжени д'Алер явно чувствовала себя в своей стихии. Тридцатилетняя рыжеволосая красotka трещала без умолку, умудряясь одновременно флиртовать с обоими графами и расточать комплименты герцогине де Монморанси.

Еще два места за столом остались незанятыми. Жиль, который мог бы присутствовать на обеде, предпочел лишний раз не показываться мне на глаза. А обещанный герцогский доктор, как выяснилось, задержался в пути из-за подвернувшейся ногу лошади и должен был появиться не раньше вечера, а то и следующего утра.

«Тем лучше, — философски решила я. — Меньше съедят, больше на завтра останется. И поменьше работы Розите. Прокормить такую ораву, когда у нее всего один поваренок в помощниках, непросто».

— Мадемуазель Лаура, так вы не ответили нам, — ворвался в мои размышления звучный голос баронессы. — Шевалье де Вассон уверял, что его сын намерен вскоре объявить о помолвке с вами. Это так?

Глава 4.1

Покерфейс я сохранила без особого труда, просто потому что впала от вопроса мадам д'Алер в ступор. Но поскольку все гости с любопытством уставились на меня в ожидании ответа, я, продышавшись, воздела кверху одну бровь и в свою очередь поинтересовалась:

— Баронесса, позвольте, откуда у вас подобные сведения?

— О, люди так говорят при дворе герцога! Кроме того, могу поклясться, что слышала это и от самого господина де Вассона, — без малейшего смущения отозвалась рыжая бес-
тия.

Я покачала головой, изображая крайнюю степень растерянности:

— Право, мадам Эжени, я сейчас весьма обескуражена, ибо впервые об этом слышу.

— Да что вы говорите! — всплеснула руками баронесса.
— А ведь меня так убеждали, так убеждали...

— Но эта помолвка вряд ли возможна, — удивилась Мадлен, широко раскрытыми глазами глядя то на меня, то на Эжени. — Полагаю, сын шевалье де Вассона, достойный молодой человек, однако, увы, он не ровня графине. Его величество никогда не одобрит это союз.

— Отчего же, — лукаво улыбнулась баронесса. — Всегда можно сделать исключение ввиду... ну, скажем, особых об-

стоятельств. — И с этой же ухмылочкой она повернулась ко мне.

Ах ты ж, змеюка рыжая.

Она в сговоре с Вассоном-старшим, что ли? Иначе с какой радости такие мерзенькие намеки? Была бы на моем месте настоящая Лаура, да удайся Жилю его выверт, графская дочка сейчас бы сквозь землю провалилась от стыда. И не исключено, что после таких заявлений пошла бы топиться, а не замуж выходить.

Хотя... представить, что Эжени, эта шикарная женщина, связалась с простым безземельным дворянином ради сомнительной выгоды, довольно сложно. Уж кто-кто, а она точно знает себе цену. И вряд ли ее что-либо сподобило помогать безродному шевалье, если только там не замешана великая любовь или великие деньги.

А денег в этом деле вряд ли выгадаешь. Подозреваю, господин де Вассон жаждет заполучить наше графство в большей степени из-за титула для его гипотетических внуков и какого-никакого надела земли. Больше взять здесь нечего. Любовь... Ну, не знаю, может, шевалье — мужчина в самом расцвете сил и способен увлечь даже столь высокопоставленную особу. Жилю вроде двадцать один год, а Вассон-старший мог стать отцом в юном возрасте, и сейчас ему, скажем, чуть за сорок. Надо уточнить у Каролины...

То, что и баронесса, и шевалье состоят в своих официальных браках, не имеет значения. Это же французская ари-

стократия: с законными детьми отстрелялся — и вперед, к приключениям. Не выставляй свои новые связи напоказ, и ничего тебе за это не будет. Вот если попался, тут уж сам виноват. Конечно, могут и простить, но могут и показательно «выпороть», особенно, если порка по каким-то причинам выгодна королю.

Или же Эжени — обычная любительница сплетен. Работает, так сказать, из любви к искусству. Что, между прочим, очень вероятно. А посему, пожалуй, не буду мудрствовать лукаво.

— Даже не могу предположить, о каких «обстоятельствах» вы говорите, дорогая баронесса, — произнесла я со всей наивностью, которую только сумела изобразить на лице. И для пущей убедительности похлопала ресницами.

— Зато она хорошо их себе представляет, — внезапно раздался тихий старческий голос.

Все как по команде повернулись к тетушке Флоранс, а я и вовсе едва удержалась от того, чтобы уронить челюсть на стол. Однако старушка уже сидела с самым безмятежным видом, легонько покашливая и потягивая вино из своего бокала — неразбавленное, между прочим. Каролина и Мадлен тоже подозрительно закашлились, немедленно спрятавшись за веерами, мужчины опустили головы, скрывая улыбки.

— Все это одно большое недоразумение, — поспешила я разрядить обстановку. — По-видимому, господин де Вассон был невольно введен в заблуждение своим сыном. Жиль мо-

лод, кроме того, он человек излишне... восторженного склада ума, так что его слова порой отражают не действительность, а лишь иллюзии, в которых он частенько витает. Вероятно, нечто подобное произошло и в этом случае. Я ни с кем не помолвлена и в ближайшее время не собираюсь этого делать.

— Что ж, тогда приношу свои извинения. Не ожидала, что шевалье де Вассон отнесется к этому настолько легкомысленно и начнет распространять неверные сведения, — поджав губы, произнесла Эжени, недобро глянув в сторону тетушки.

Ну нет, нашу старушку я в обиду не дам. Тем более, что она явно не так проста, как кажется. Я осторожно скосила на нее глаз — графиня Флоранс де Шайи наслаждалась гусем, начиненным каштанами и черносливом, и демонстративно не обращала никакого внимания на окружающих.

— Подайте еще вина, — велела Каролина слугам, спеша отвлечь гостей от щекотливой темы.

— Да, вино нам не помешает. Кстати, могу сказать, у вас прекрасное бургундское, — поднял бокал Оливье де Граммон, глядя на мою сестру.

— О, надеюсь, вам не пришлось пожертвовать великолепными погребами вашего батюшки? Он с такой любовью собирал коллекцию вин. Было бы жалко, если бы и она ушла за долги, — тут же сочувственно поцокала языком баронесса.

Смотрите-ка, а мы не любим проигрывать. И ведь навер-

няка считает себя взрослой разумной женщиной. . . Ладно, ее реплика мне только на руку. Я все равно собиралась выяснить кое-какую информацию. Почему бы не сейчас?

— Увы, наши запасы совсем истощены. — Я приняла самый опечаленный вид. — Вы же знаете, какое несчастье постигло нас с сестрой. Теперь нам трудно поддерживать былой образ жизни. Не говоря уж о том, чтобы вкушать те благородные напитки, которые так нравились отцу. Но знаете, в графстве остались великолепные сады, и я подумывала о том, что мы могли бы обратиться не к виноградной лозе, а к . . . яблоням. Обыденный, однако не менее достойный вариант.

— Яблочное вино? — уточнил Ричард д'Обинье, заинтригованно глядя на меня. — Но вряд ли им всерьез можно заменить настоящее. Скажем, у нас в Инглиндии сидр весьма распространен, однако это напиток более низких сословий. В нем нет ни той изысканности, ни того богатства вкуса, которые есть у виноградных вин. Он слишком прост, а порой и откровенно невкусен.

— А если я скажу вам, что нашла в древних латинских книгах кое-какие любопытные рецепты сидра и намерена опробовать их у нас в хозяйстве? — спросила я.

— Отвечу, что вы очень решительная маленькая мадемуазель, — улыбнулся инглиндский граф.

— Если любезная графиня намерена поразить высшее общество своими яблочками, мы не должны ей в этом мешать,

— медовым голоском пропела баронесса. — Вдруг это окажется нечто... исключительное. Жаль, конечно, что ей придется заниматься этим лично, ведь в графстве нет толкового мужчины, способного взять на себя все скучные хозяйственные обязанности. А наша юная мадемуазель Лаура наверняка еще не оправилась после прискорбного происшествия с лошадью.

Вот же красotka! Я даже мысленно ей заплодировала. Так непринужденно оттоптаться на всех больных мозолях и заодно наекнуть на мои проблемы с головой — прямо-таки высший пилотаж.

Она допустила только один просчет. Меня ее эскапада совершенно не тронула. Я с Эжени не воевала и даже не собиралась начинать. Но ответить было нужно, ведь разговор касался того дела, которым я собиралась заняться в ближайшем будущем. А от него зависело, сможем ли мы с сестрой сохранить за собой поместье и земли, или растворимся в чужих семьях, отдав графство на откуп незнакомым людям. И кто знает, вдруг в этом случае лет через семьдесят на свет не родится один очень важный для истории граф де Ла Фер, которого все будут знать под именем Атос...

Я уже открыла было рот, дабы осадить дерзкую баронессу, но тут внезапно снова заговорила тетушка. На сей раз она с громким стуком уронила на стол нож и сокрушенно произнесла:

— Ох уж эти лошади. Некоторые лимузенские кобылки

бывают такие резвые, что крестьяне, ежели такая лошадь к ним попадет, подрезают ей сухожилия, чтобы таскала себе телегу и не прыгала лишнего. — Флоранс подобрала упавший нож, помахала им у себя перед носом и с сожалением вернула на место. — Лошади, лошадки... обожаю на них кататься.

Секунда тишины — и моему взору предстало впечатляющее зрелище: щеки и лоб мадам Эжени д'Алер стремительно начали наливаться багровым, пока не сравнялись цветом с ее волосами. Ноздри ее раздулись, как у упомянутой старушкой кобылки, а из груди вырвалось невнятное клокотание.

— Ах, не слушайте нашу бедную тетушку! — чуть ли не закричала Каролина, с ужасом взирая на баронессины метаморфозы. — Она, к великому несчастью, уже по-старчески слаба рассудком и, бывает, заговаривается. Граф, прошу вас, подайте мадам Эжени бокал...

Я не сразу сообразила, что происходит. Лишь через несколько мгновений вспомнила, что Каролина, представляя мне гостей, упомянула о семье баронессы, которая проживает в регионе Лимузен.

Ох! Вот тебе и тетушка. Вот тебе и тихий омут наш.

Первой опомнилась герцогиня. Не позволив себе ни единого смешка, — воистину аристократическая выдержка! — она принялась что-то говорить сидевшему рядом «англичанину», а затем во всеуслышание объявила:

— Мадемуазель Лаура сумела меня заинтересовать. Пред-

лагаю пари! Если графине удастся сделать в поместье достойное яблочное вино, я с удовольствием представлю его своему супругу на Рождественском балу или по весне — смотря сколько понадобится времени для производства. А если оно понравится и герцогу, то мы преподнесем несколько бутылок этого напитка в дар его величеству Франциску. В случае же неудачи мадемуазель придется... ну, скажем, выполнить по одному желанию каждого из здесь присутствующих. — Девушка озорно глянула на меня. — Как вам мое предложение?

Я даже не успела остановить себя, как услышала из собственных уст:

— Пари принимается.

4.2

Когда бесконечный обед наконец завершился я, смахнув со лба воображаемый пот, удалилась в свою маленькую спальню и там упала на кровать, раскинув руки и ноги, наподобие звезды.

Ну-с, Лариса-Лаура, а теперь давай подумаем, во что ты такое ввязалась.

Принимая пари, я, конечно, действовала скорее на инстинктах, нежели совершала сознательный выбор. Однако, если поразмыслить, то выбора у меня особого и не имелось. Чтобы дело, которое я задумала, начало приносить настоящий доход, способный не просто прокормить двух худеньких девушек и их неприхотливых слуг, но и действительно спасти графство, нужно больше, чем скромное фермерское производство сидра и его продажа на ближайших ярмарках. Одно лишь шато требует огромных денег на поддержание его в пристойном виде. А ведь есть еще деревня и кое-какие невозделанные земли.

Если мы с сестрой хотим оставить родовое поместье за собой, нам ежегодно будут требоваться громадные суммы. Графский титул — это не только красивая приставка к имени, это еще и много-много разнообразных обязанностей. Обязанностей перед теми, кто от тебя зависит: твоими васалами, крестьянами, слугами; перед теми, от кого зависишь

ты: герцогами, королями и другими представителями власти и двора; да и перед будущим потомством, в конце концов. Какое наследство мы с Каролиной оставим своим детям, если Господь нам их даст?

Допустим, я сама могу прожить и на очень скромные деньги. Что называется, нам не привыкать. Но Каролина настолько привыкла к роскошному образу жизни, что не мыслит себя вне его. Она уже сейчас готова кинуться в объятия любому мало-мальски подходящему жениху, лишь бы он избавил ее от ужасов «нищеты» и необходимости самой вести хозяйство. А я, честно говоря, чувствую за нее ответственность. Каролина, может, и балованное, но доброе дитя. И брака, в котором она будет страдать, я ей не желаю. Ей нужно почувствовать себя защищенной, чтобы выбирать будущего мужа спокойно: не из страха перед бедностью, а по зову сердца и здравости рассудка.

Вот поэтому мне нужен выход на сильных мира сего. И если герцогиня де Монморанси решила принять участие в нашей жизни, пусть даже в виде такой вот непринужденной игры, нельзя упускать этот шанс. Мадлен Савойская сдержит свое слово, так как оно дано в присутствии других дворян, а я — в случае благоприятного исхода — получу невероятную возможность поставлять яблочное вино ко дворам самых высокопоставленных лиц Франкии, включая его величество Франциска I.

Ну а дальше уже элементарная логика: если наш сидр ста-

нет популярен при королевском дворе — он станет популярен по всей стране и, вероятно, за ее пределами тоже. Это повлечет за собой развитие производства, расширяющийся день ото дня рынок сбыта и, соответственно, большие деньги, которые и позволят нам сохранить графство, а то и расширить владения.

Так что отказаться от предложения герцогини я попросту не имела права.

Вот только один маленький нюанс. Все эти прекрасные перспективы откроются перед нами лишь в единственном случае. Я должна выиграть пари.

А, по-хорошему, я ведь даже не знаю, есть ли у нас необходимое оборудование для производства сидра. Сделать двадцать-тридцать литров на пробу — не проблема. Это можно осуществить и своими силами. Но для серьезных объемов потребуются большие прессы, бочки и еще всякое по мелочи, вроде специального пюпитра для бутылок. И люди. Одна я, разумеется, не справлюсь.

Я вздохнула. Ладно, начнем с малого. Иначе не начнем никогда.

Сползая с кровати, я поправила чуть растрепавшуюся прическу и решительно вышла за дверь в поисках нашего горе-управляющего.

По дороге меня осенило, что негоже графине самой за подчиненными бегать, так что, отловив первого попавшегося слугу, я отрядила его за неуловимым Жилем. Принимать

юного шевалье я решила в бывшем батюшкином кабинете, поэтому пришлось сделать две вещи: во-первых, зайти к Каролине, у которой хранились ключи от всех замков в доме, а во-вторых, забрать у нее Татин, которая знала, где находится кабинет, и могла меня туда провести. Сестра немного поворчала, ибо я ворвалась к ней прямо во время переукладывания ее волос в более сложную вечернюю прическу, но все же отпустила камеристку со мной. Впрочем, надолго я Татин не задержала...

Войдя в кабинет, я остановилась на пороге в растерянности. Похоже, тут никто ни к чему не прикасался со времен батюшкиного ухода. Не считая, вероятно, законников или шевалье Вассона-старшего, которые наверняка рылись здесь в поисках необходимых документов для оглашения завещания и успокоения кредиторов. Во всяком случае, стопки толстых книг либо в кожаных переплетах, либо скрепленных веревками, лежали на столе и на полу в самом хаотичном порядке и уже начали покрываться слоем пыли. Некоторые даже были бесцеремонно раскрыты и брошены в угол.

Подобрав и аккуратно полистав их, я убедилась, что это амбарные и учетные книги нашего поместья. Или вотчинно-хозяйственные, как их иногда называли. В них можно было найти сведения о бывшем и сохранившемся имуществе графства, обо всех приходах и расходах, о количестве крестьянских душ и прочее, и прочее.

— Госпожа Лаура, вы звали меня? — раздался от двери

знакомый блеющий голос.

А вот и он, «достойный молодой человек», по словам Мадлен.

— Звала. Еще как звала, — тихонько прорычала я, поворачиваясь к нашему «достойному». — Месье Жиль, подите-ка сюда и объясните мне две вещи. Первая: почему все учетные книги поместья пребывают в столь прискорбном беспорядке? И вторая — не менее, а может, даже и более важная: с каких это пор ваш батюшка распоряжается судьбой графини де Ла Фер и объявляет о ее помолвке, в то время, как она пребывает в полном неведении относительно сего события?

Так нейросеть видит Лауру. :)

4.3

На лице Жилия отобразилась вся скорбь этого мира. С лицом мопса, страдающего от несварения желудка, он вновь начал мямлить свои извинения и, кажется, готовился еще разок рухнуть на колени, но под моим яростным взглядом резко передумал.

— Просто ответь мне на вопрос, — велела я, не имея никакого желания торчать здесь до морковкина заговенья и выслушивать никому не нужные оправдания.

— Мой батюшка был уверен, что я поступлю в соответствии с его указаниями, и потому поторопился огласить наше обручение, — уныло сказал парень. — Я знаю, он опасался, что кто-нибудь успеет сделать вам предложение раньше меня.

— Так... это все понятно. Но что дальше? Жиль, уясните, я никогда, ни при каких обстоятельствах не буду вашей. Примите мое заявление в качестве свершившегося факта и подумайте, как вы будете объясняться с отцом. Я больше не желаю участвовать в этом глупом фарсе и даже слышать о нем. У нас сейчас гостит ее светлость Мадлен Савойская. Рассказать ей о случившемся и передать через нее письменные заверения самому герцогу — дело пары минут. Если вы не хотите неприятностей для себя и своей семьи, будьте любезны разобраться с вашим батюшкой раз и навсегда. Отлу-

чаться из поместья я вам не позволяю, но вы можете написать отцу письмо и отправить с кем-то из слуг ее светлости. И обязательно упомяните в нем, что я уже позаботилась о том, чтобы при малейшем выпаде в мою сторону, герцог узнал всю правду.

— Уже п-позаботились? — сглотнул Жиль.

Я сурово кивнула.

На самом деле у меня и времени-то не было заниматься всеми этими интригами, но обезопасить себя я действительно собиралась. Либо разговор наедине с Мадлен, либо письмо для герцога, которое, случись что, отправит Каролина, либо и то, и другое... в общем, придумаю что-нибудь. Сейчас важно напугать парнишку, чтобы, если у него еще и продолжают бродить в голове дурацкие мысли, они все быстренько выветрились. А без «жениха» нет и свадьбы.

— Я сделаю, как вы сказали, — обреченно произнес юноша, тиская в руках стопку бумаг, которую притащил с собой и теперь не знал, куда девать.

— Вы поступаете правильно, Жиль, — смягчилась я. — Более того, этим поступком вы закладываете основы своей свободы. Если сможете вырваться из-под отцовского гнета, перед вами откроются те пути, о которых вы раньше могли только мечтать. А я постараюсь помочь вам в осуществлении ваших планов. При условии, что это будут достойные и честные планы.

Его грустные мопсячьи глаза озарились робкой надеждой.

— Понимаю, мадемуазель Лаура. Я постараюсь.

— Прекрасно, я рада. А сейчас давайте перейдем к делам поместья. Вы, как я вижу, принесли бумаги?

— О, да. Это документы для отчета, который вы просили. Они хранились в кабинете управляющего... то есть теперь в моем кабинете. Я еще не до конца разобрался, но...

— Хорошо, давайте разбираться вместе. Садитесь.

Я смахнула платком пыль с кресла, обитого кожей и больше похожего на стул, и опустилась в него, полная решимости хотя бы немного понять состояние дел в графстве. Жиль разложил на столе бумаги, садясь напротив меня.

Он еще вздрагивал порой, когда я, получив от него разъяснение относительно той или иной проблемы, на эмоциях позволяла себе резко всплеснуть руками, но чем дальше мы углублялись в хозяйственные вопросы, тем больше парнишка раскрепощался.

В целом, Жиль оказался не таким уж пустоголовым растяпой, как я решила поначалу. Гуманитарий, конечно, но кое-чему все же обучен. С его помощью я в общих чертах (а местами — и в очень конкретных) получила представление о нашем положении и наметила кое-какие антикризисные меры. Но, в целом, убедилась в том, что сады нужно сохранить за поместьем любой ценой.

Пока батюшка находился при дворе, ему перепало жалование от казны — сейчас же мы этого оказались лишены. Налоги собирать было почти не с кого, хотя кое-какую

прибыль давали рыночные пошлины: оказалось, что ярмарка в ближайшем городке все еще находится под властью нашего графства, а значит, мы могли взимать небольшую плату за пользование прилавками. В деревне нам принадлежала мельница — тоже хоть и скромный, но доход.

И леса. Мы имели право выдавать разрешения на вырубку деревьев в наших крохотных угодьях и тем зарабатывать малую денежку. Однако много на вырубку не пустишь, иначе сам останешься и без леса, и без отопления зимой. Что касается посевов, то их едва хватало на замок и прокорм крестьян, тут ничего выгадать на данный момент было нельзя.

В селе неподалеку, которое, к сожалению, отошло кредиторам, существовал рыбный промысел, пусть наша речушка и давала не ахти какой улов — это вам не море. Поразмыслив, я пришла к выводу, что можно попробовать отрядить часть крестьян из оставшейся у нас деревни, чтобы они переняли опыт соседей. Конечно, возникнет конкуренция, но кто мне запретит распоряжаться рекой, протекающей по моей земле?

— А! И вот еще что, — спохватилась я, когда мы с юным управляющим уже закончили наш ревизорский набег на документы. — Скажите, Жиль, в замковом хозяйстве есть пресс для яблок? Или для винограда? Или вообще хоть какой-то пресс?

Парень на мгновение задумался, затем кивнул.

— Да, мадемуазель. В шато есть небольшой ручной пресс

для яблок. Батюшка говорил, раньше часть плодов из сада пускали на брожение, а зимой под Рождество Христово раздавали напиток крестьянам. Кроме того, в деревне вроде была еще и большая давяльня, которая приводилась в действие мулами. Но она, кажется, давно не в ходу.

— Спасибо. Приведите, пожалуйста, в порядок все амбарные книги, Жиль, а как закончите, присоединяйтесь к ужину в главном зале. Учтите, с завтрашнего дня вы начинаете плотно заниматься вашими прямыми обязанностями. И не забудьте все, что мы с вами сегодня обсудили.

Тяжкий вздох был мне ответом, но я уже выскочила за дверь, радуясь, что на сегодня тяжелая «документальная» повинность для меня закончена.

До ужина оставалась еще пара часов, и большую часть времени я потратила на то, чтобы обойти весь замок, осматривая комнаты и хозяйственные помещения. Предупредив слуг о возможном завтрашнем появлении Ноэля и напугав своим появлением Розитту, которая кашеварила на кухне, я поняла, что на сегодня дел для меня вполне достаточно, и решила выбраться на короткую прогулку. Воздух мне уже был нужен, как... воздух.

Далеко забираться я не планировала, но незаметно для самой себя углубилась в парк. В своей самой дальней части он имел выход в лес, и, обнаружив неширокую, но плотно утопанную тропу, я нырнула под сень деревьев. Солнце клонилось к западу, но пока давало достаточно света, так что за-

блудиться я почти не боялась.

Вдыхая целительные лесные запахи — свежесть листьев, древесная кора, легкая сырость и земляничный дух, — я немного прошла по тропке, как вдруг завидела меж деревьев водяные блики. Ведомая любопытством, свернула в сторону и вскоре оказалась на берегу небольшого озерца. Вода в нем была стоячей и неожиданно темной, а по краям его обрамляли плакучие ивы и заросли рогоза.

— Черный пруд, — прошептала я, замирая одновременно в изумлении и восхищении. — Мамочки дорогие, это же самый настоящий черный пруд. Ну, разве только лилий не хватает.

Зачарованная открывшимся зрелищем, я подошла поближе к воде и наклонилась, чтобы посмотреть, насколько она прозрачна. В тот же момент со стороны тропки послышался отчетливый конский топот. Я обернулась на внезапный звук, но сделала это слишком резко. Нога скользнула по глинистому берегу, потеряв опору, я взмахнула руками в попытке сохранить равновесие или хотя бы зацепиться за ближайшую ветку ивы и... не смогла. Последнее, что я успела сделать перед падением в пруд, — издать негромкий испуганный «ох».

Глава 5.1

Обжигающе холодная вода на миг парализовала, а затем сомкнулась надо мной зеленоватым полотном. Глубина... на этом берегу не было пологого дна... Едва не теряя рассудок от шока, я извернулась, чтобы оказаться спиной и головой вверх, и с силой сделала гребок руками. А потом еще один — и, слава Богу, вынырнула на поверхность.

В своей прошлой жизни я умела плавать, но это тело было слабее, а и без того тяжелое платье с каждым мгновением все сильнее пропитывалось влагой и начинало тянуть вниз. Однако берег был совсем рядом, и я радостно рванулась к нему, но... не сдвинулась с места. Новый гребок — я все там же. Платье! Зацепилось за какую-то корягу внизу. Сердце захолонуло, а тело инстинктивно сжалось, замирая, но я мысленно заорала на себя: «Спокойно!!! Дыши! Держись!»

Разглядеть что-либо в темной воде, кроме водорослей, не удавалось. Нырять, чтобы отцепить одежду, было очень опасно, поэтому я постаралась одной рукой удержать себя на поверхности, а второй — аккуратно подергать материю. Но нет, коряга схватила крепко. Я начала дергать сильнее, помогая себе ногами. Снова безрезультатно.

В очередной раз хлебнув водяной мути, я вдруг поняла, что все это время из-за шока сражалась за жизнь в полном молчании. Но я же слышала, как скакала лошадь... Человек

может меня увидеть... И тогда я громко закричала:

— Помогите! На помощь!

Призыв стоил мне нового глотка воды. И вынырнув, я осознала, что никакого конского топота уже и в помине нет.

Всё.

Всадник, если он вообще был, давно проскакал мимо, не заметив меня.

— Помо...

Опять вынужденный нырок.

Господи, спаси!

Ощущая, как меня снова охватывает паника, я рванулась изо всех оставшихся сил — и на этот раз почувствовала, как лопается ткань платья. Но тут же ноги, едва нащупавшие опору, провалились в ловушку из ила и глины. Рука взметнулась вверх, в инстинктивном стремлении ухватиться хоть за что-нибудь...

...и сжалась вокруг теплой человеческой ладони.

— Держитесь!

Мужской голос прозвучал громом среди ясного неба.

Меня поймали за обе руки и потащили на сушу.

Рывок, другой — и вот я сижу на земле. Мокрая, вымазанная в иле, покрытая водорослями, выплевывающая воду и еле дышащая. Живая.

Я вскинула голову. Рядом в траве, все еще придерживая меня за талию, сидел мужчина. Его простой темно-оливковый костюм и высокие сапоги тоже были сильно перемазаны

глиной. Неподалеку валялся берет, который он, видимо, потерял, когда кинулся за мной в пруд, и кожаные перчатки. Из-под прядей растрепанных светло-русых волос на меня с тревогой глядели серые глаза. Лицо моего спасителя обрамляла легкая борода того же цвета, что и волосы.

— Как вы?

— Спасибо.

Одновременно произнесли мы.

Я слабо улыбнулась. Мужчина немного расслабился, уголки его губ тоже слегка поднялись.

— Извините, — пробормотала я, покачав головой и попытавшись стереть с лица грязюку. Но, кажется, лишь сильнее размазала ее. — Так все внезапно... Я упала... теперь в таком виде... И вы из-за меня...

— Все хорошо, все закончилось, — сказал мужчина успокаивающим тоном, аккуратно отпуская меня. — Вы вне опасности. А одежда — пустое. Почистимся уж как-нибудь.

Мы вновь посмотрели друг на друга, и на сей раз синхронно улыбнулись оба.

— Вам нужно скорее в дом. Переодеться и согреться. Сейчас хоть и теплая погода, но вода, похоже, была холодной. Можете идти? Моя лошадь на дороге, я довезу вас, куда скажете. Тут где-то недалеко должен быть замок...

Я кивнула.

— Да. Мой замок.

Мужчина чуть отстранился, окидывая меня быстрым

взглядом. Да, платье на мне испачканное и рваное, но явно из дорогой ткани, а большая часть волос, за исключением выбившихся мокрых прядей, по-прежнему убрана в золотую сетку.

— Ваше сиятельство? — вопросительно произнес он.

— Лаура де Ла Фер.

— Шевалье Анри де Ревиль, к вашим услугам.

Спохватившись, мужчина поднялся и протянул мне руку. Опершись на нее, я в свою очередь встала с земли. По складкам платья стекали целые водопады, и я взялась отжимать ткань, иначе и шагу не смогла бы сделать из-за ее тяжести.

— Разрешите вам помочь? — спросил Анри.

— Да, благодарю.

В четыре руки мы отжали мою многострадальную одежду, и я наконец смогла нормально разогнуться. Вынув из чудом не потерянного навесного кармана платок, я кое-как постаралась очистить свое лицо, а заодно и костюм моего спасителя. Анри хотел меня остановить, но когда я настроена причинять добро, от меня никто не скроется. К счастью для смущенного моим поступком мужчины, я быстро поняла, что от этой затеи нет никакого толка и оставила его в покое.

— Пойдемте, — сказал шевалье, подбирая перчатки и берет и поддерживая меня под локоть, но вдруг остановился.
— Вы же без обуви...

Ох, точно.

Я только сейчас поняла, что стою босая, а обе туфельки

благополучно покоятся на дне пруда.

— Позвольте?

На сей раз Анри не стал дожидаться ответа, подхватил меня на руки и понес обратно к тропе, которую я так легкомысленно покинула несколькими минутами ранее.

Минутами... А ведь по ощущениям прошел час, не меньше.

— Спасибо вам, — опять сконфуженно поблагодарила я, осторожно обхватив шею мужчины руками и стараясь не сильно прижиматься к нему влажным платьем. Что, впрочем, было совершенно безнадежным занятием.

Искомая лошадь обнаружилась ровно там, где ее оставил шевалье. Подсадив меня в седло, мужчина взлетел на коня сам.

— Нужно побыстрее доставить вас домой, — пояснил он, почему не повел лошадь в поводу.

— Конечно, — согласилась я и указала направление. — Только подъедем ко входу для слуг, ладно? Боюсь, русалок и водяных ведьм в парадные двери не пускают.

— Полагаю, болотные духи в измазанных рубашках, тоже не самые желанные гости у переднего входа, — отозвался Анри.

— Нет, ну отчего же? — весело возразила я, постепенно приходя в себя после происшествия. — Ведьма будет очень рада вас видеть.

Мужчина тихонько рассмеялся и ударил пятками в кон-

ские бока.

5.2

Словно тати в ночи, мы с Анри пробрались в шато через кухню, где я второй раз за сегодняшний день испугала несчастную Розитту. Она так и села, едва я ввалилась к ней через порог, извазюканная с ног до головы, как заправский клиент какой-нибудь элитной грязелечебницы. А когда вслед за мной зашел еще и незнакомый мужчина, изгвазданный лишь немногим менее, повариха и вовсе выронила из рук глиняный горшок, который тут же крякнулся об пол и раскололся на несколько частей. Хоть пустой был — и то счастье. Не хотелось бы мне испортить ужин, он и так у нас скромный по великосветским понятиям: никаких тебе фаршированных фазанов и поросят на вертеле; козлятину раздобыли — радуйтесь, гости.

Прежде чем Розитта успела открыть рот, я вскинула руку в останавливающем жесте и быстро проговорила:

— Я по неосторожности упала в пруд, а этот шевалье меня спас. Но об этом молчок! Позови сюда Татин, пусть она проведет месье в любые свободные покои, и желательно так, чтобы им никто не встретился на пути. После доставьте ему все необходимое, чтобы он мог привести себя в порядок. Я до своей спальни доберусь сама, но Татин и бадья с теплой водой мне тоже будут нужны срочно.

— А... госпожа...

— Срочно, Розитта!

— Да, мадемуазель, бегу.

Повариха наконец продышалась и кинулась исполнять поручение за временным неимением под рукой поваренка-помощника, на которого можно было бы свалить всю беготню. Но это и хорошо — меньше лишних глаз. Я повернулась к Анри.

— Шевалье, честно говоря, не знаю, найдется ли у нас мужская одежда, чтобы вы могли переодеться в чистое, но постараемся что-нибудь подобрать для вас.

— В этом нет нужды, мадемуазель. Мои вещи уже должны были прибыть в замок, и Этьен, слуга, о них наверняка позаботился. Я ведь ехал именно сюда, к вам, поэтому отправил свой сундучок вместе с каретами. Сам, однако, был вынужден задержаться из-за лошади.

— О... Так вы доктор его светлости? — с заминкой сообщила я. Герцогский врач был единственным обещанным гостем, опоздавшим к обеду.

— К вашим услугам, — поклонился Анри. — Насколько я понимаю, вы вполне оправились после происшествия, о котором мне поведал герцог. Однако мои умения, возможно, еще понадобятся, чтобы спасти вас от грядущего насморка.

Легкая ирония в его голосе пришлась мне по душе.

— Да уж не хотелось бы хлюпать носом в присутствии баронессы д'Алер, — сказала я, нарочито вздыхая. — Она наверняка предложит мне свой платочек, перед этим посето-

вав, что в замке теперь даже салфеток для носа не хватает.

Анри улыбнулся уголками губ:

— Что, дела в графстве настолько плохи?

— Уж на платок наскребем как-нибудь, — проворчала я.

В этот момент на кухню ворвались мои женщины, летевшие на помощь хозяйке со всей поспешностью, на которую были способны. Розитта плюхнулась на стул, обмахиваясь передником, а Татин бросилась сначала ко мне, но я попросила ее в первую очередь заняться шевалье.

...По прошествии получаса все были спасены, Татин с Каролиной успокоены, а я вымыта и прибрана. Волосы пришлось уложить в сетку еще влажными, но на ужине я вполне могла появиться. Конечно, мне хотелось сохранить случившееся в тайне, однако, если на повариху и камеристку я еще могла рассчитывать, то на слугу Анри и пару горничных, которым пришлось таскать ведра с подогретой водой для моего омовения, надежды особой не имелось. Впрочем, в подробности случившегося я никого не посвящала, так что надеялась отделаться осторожными шепотками в людской и не более.

Ужин прошел поспокойнее, чем обед. Каролина держала себя в руках, не заглядывая в рот графу де Граммону при каждой брошенной им фразе. Жиль сидел в уголке стола и вел себя скромно и прилично. Тетушка Флоранс тоже не баловала нас своими комментариями, да и баронесса на сей раз сдерживала острый язычок, лишь однажды позволив се-

бе ехидный вопрос, адресованный доктору. Мол, и где это он так запачкался по дороге, что даже слуги были удивлены внешнему виду шевалье?

— На подъезде к замку, моя лошадь имела несчастье увязнуть в глубокой луже, — невозмутимо ответил месье де Ревиль. — Пришлось спрыгнуть на землю и помочь ей выбраться. К счастью, пострадал только мой костюм; сумку с лекарствами и инструментами Этьен благополучно доставил сюда заранее.

Я немного выдохнула, понимая, что чудом сумела избежать дотошных расспросов мадам Эжени и возможных неприятных последствий. Вряд ли помощь шевалье мне была бы расценена, как нечто предосудительное, в конце концов, если дама находится в реальной опасности, спасти ее — это честь и долг для любого дворянина. С другой стороны, я гуляла по окрестностям без служанки, и в результате мы с шевалье некоторое время находились наедине, не говоря уж о совместной скачке. Кто его знает, как на такую вольность отреагировало бы местное общество? Женить не женили бы, конечно: во-первых, для этого я недостаточно скомпрометирована, а во-вторых, Анри де Ревиль носит титул всего лишь шевалье, то есть самый младший в дворянской иерархии. И еще он — врач, а значит, мужчина, который имеет более широкие права в общении с женщинами. Но все же лучше не рисковать.

А вот, что мне хотелось бы выяснить, так это путь, привед-

ший шевалье к должности личного доктора герцога де Монморанси. Я понимала, что всем присутствующим в замке, этот факт давно известен и удивления не вызывает, но у меня вызывал и еще как. Врач-дворянин — само по себе явление очень редкое, обычно в эту профессию шли буржуа или представители духовенства. Дворяне по большей части орудовали шпагой или подвизались на государственной службе. Чтобы кто-то из них добровольно пошел изучать столь тяжкую и не всегда благодарную профессию — это должно было произойти нечто из ряда вон. К тому же Анри был довольно молод, вряд ли старше тридцати. Как так получилось, что он стал врачом его светлости?

Ближе к концу ужина шевалье де Ревиль выразил пожелание все же осмотреть меня на предмет травмы головы, так как это было поручено ему самим герцогом лично. Я не стала возражать, и мы удалились в сопровождении Татин в мои покои.

Выходя из зала, я бросила взгляд на сестру и, к своему неудовольствию, обнаружила ее разговаривающей с вездесущим графом. Что-то мне упорно не нравилось в их общении...

5.3

В комнате, смежной с моей спальней, герцогский доктор усадил меня на стул и попросил зажечь побольше свечей, чтобы ему хватило света. Разобравшись с освещением, Татин сняла сетку с моих волос и чуть пригладила их гребнем. Шевалье де Ревиль присел на соседний табурет и, испросив разрешения на осмотр, первым делом взялся считать мой пульс. Тот его, похоже, удовлетворил, так как никаких критических замечаний и многозначительных покачиваний головой не последовало.

Затем он подробно расспросил меня, чувствую я ли я боль и, если да, то где именно. Как я сплю, не сказалось ли происшествие на аппетите, нет ли дрожи в руках и ногах и так далее. Честно ответив, что сплю я прекрасно, а голова еще иногда побаливает, но несильно, я позволила ему осмотреть уже основательно сдувшуюся шишку на виске.

Аккуратно раздвинув мои волосы, Анри бережными прикосновениями ощупал гематому и кости моего многотрадального черепа. Сама не знаю почему, но я вдруг ощутила легкое смущение от этих касаний, хотя доктор вел себя безупречно и никаких вольностей себе не позволял, даже несмотря на наше столь драматическое знакомство. Зато когда он отнял пальцы от моей головы, последовало то самое многозначительное молчание.

— Что-то не так? — спросила я с опаской.

— Вам очень повезло, — ответил шевалье после заметной паузы. — Удар пришелся в такое место... Честно говоря, просто удивительно, что с вами все в порядке.

Я против воли задержала вдох. Ну конечно, он же врач и прекрасно понимает, что травма, которую получила Лаура, должна быть смертельной. Наверное, зря я согласилась на обследование, хотя с какой стати мне было отнекиваться? Отказ точно выглядел бы подозрительно.

— Вероятно, удар был не таким уж сильным, каким может показаться, — осторожно «предположила» я. — Иначе я бы так быстро не встала на ноги. Наверное, копыто Ронни задело меня лишь по касательной.

Мадам Очевидность в моем лице не сильно убедила доктора, но другого объяснения у него все равно не имелось, пришлось принять это.

— Что ж, возблагодарим Господа за Его милость, — с некоторым сомнением пожал плечами шевалье. — Мадемуазель, вы не будете возражать, если я послушаю, все ли в порядке с вашим дыханием? Мне все-таки не дает покоя это ваше неожиданное купание.

— Да, конечно, — улыбнулась я. — Даже не предполагала, что в пруду может быть настолько холодная вода летом.

— Возможно, это не пруд, а маленькое озеро, в таком случае ледяные ключи на дне — вполне объяснимое явление.

Произнося это, герцогский доктор залез в бархатный ме-

шочек, который принес с собой, и достал оттуда странно-го вида предмет: пергамент, свернутый в длинную трубку, с тонкими деревянными палочками в качестве каркаса. Сначала я не поняла, для чего ему понадобилась эта трубка, и только когда Анри попросил Татин чуть ослабить завязки на моем платье, до меня дошло — я вижу, кажется, первый в этом мире стетоскоп!

С нескрываемым восхищением я глазела на шевалье де Ревилья, пока он, целомудренно отведя от меня взгляд, при-ставлял пергаментную трубку к моей груди, а затем и спине, прикрытым лишь нижней сорочкой, и внимательно прислу-шивался к доносящимся звукам.

— Похоже, и здесь все порядке, — наконец удовлетворен-но констатировал Анри. — Сердце у вас бьется ровно, ма-демуазель, дыхание свободное, глаза ясные, и никаких при-знаков начинающейся лихорадки. Можно сказать, происше-ствие обошлось без происшествий.

— Откуда у вас стет... этот предмет, шевалье? — спроси-ла я, указывая на трубку. — Им пользуются все врачи?

Мне правда было очень интересно. В нашем мире прооб-раз стетоскопа появился лишь в начале 19 века, когда фран-цузский врач Рене Лаэннек был вызван к молодой даме, по-дозревавшей у себя заболевание сердца. Не имея возможно-сти поставить диагноз с помощью простукивания и прикла-дывания уха к груди женщины — чему препятствовали ее замужний статус, стеснительность и излишний вес, — док-

тор воспользовался свернутой в трубочку тетрадью. И, о чудо, сумел различить биение сердца и шумы в легких гораздо отчетливей, чем при обычном способе. Поэкспериментировав с разными материалами, Лаэннек решил, что лучше всего для нового метода диагностики подходит трубка из орехового дерева. Позже придумал и название для нее — «стетоскоп», что в переводе с греческого означает «осматриватель груди».

Неужели здесь изобрели его намного раньше?

Однако шевалье де Ревиль развеял мои подозрения.

— Не думаю, что кто-то еще использует подобное, кроме меня. Во всяком случае, ни в Монпелье, ни в Париже, где я обучался, никто из моих наставников и будущих коллег не применял такие трубки при аускультации... я имею в виду...

— При прослушивании, — кивнула я. — Мне немного знакома латынь.

Доктор кинул на меня быстрый уважительный взгляд и, видя мою заинтересованность, продолжил:

— Я понял, что с помощью длинного цилиндра проще разобрать звуки внутри тела, совершенно случайно. Это произошло во время Итальянской кампании. Мы тогда стояли лагерем в Провансе, а имперская армия как раз подходила к нашим краям ускоренным маршем. К нам в лагерь поступило несколько раненых офицеров, и герцог де Монморанси попросил меня осмотреть одного из них лично. Сначала мне показалось, что мой подопечный уже отошел в вечность:

как я ни щупал пульс и как ни вжимал ухо в его грудь — ничего расслышать не мог. В отчаянии я огляделся вокруг себя и заметил оставленный кем-то на столе стеклянный бокал с плоским дном. В голове внезапно вспыхнули картинки из детства, когда мы с братьями стремились любой ценой узнать, о чем шепчутся взрослые в соседних покоях, и для этого прикладывали к дверям чарки или кувшины, а сами приносили ухом к их донышку с другой стороны. Я прислонил найденный бокал к груди моего пациента и, к огромному облегчению смог различить слабое сердцебиение.

— Ох, надо же! И что, тот офицер выжил?

— К счастью, да. А я задумался над тем, как усовершенствовать конструкцию «прослушивателя» — в конце концов, не будешь же всегда таскать с собой хрупкую посуду. В итоге понял, что можно заменить бокал вот такой трубкой из грубой кожи. Она легкая, и ее гораздо удобнее брать с собой в походы и разъезды.

— Шевалье де Ревиль, вы настоящий гений! — совершенно искренне воскликнула я. — Поверьте, это великолепное изобретение. И если ваши коллеги не воспользуются им, то будут глубоко неправы.

Доктор улыбнулся.

— Так уж получается, что уважаемые мэтры больше склонны полагаться на труды Гиппократы и Галена, с большим скепсисом относясь даже к исследованиям блистательного итальянца да Винчи. Однако... нечасто эти самые мэ-

ры врачевали в условиях войны. Там порой докторская мысль вынуждена быть стремительной, а сам врач — смелым в использовании даже незнакомых методов.

— Значит, вы воевали...

— Да, под командованием его светлости.

— А битва при Павии, вы были там?

Вопрос являлся рискованным, я ведь не успела еще точно выяснить, какие события моего мира повторяются и в этом, а какие нет. Но битва при Павии из-за своих грандиозных последствий нашла свое отражение в литературных хрониках и романах, поэтому имелись все шансы на то, что она произошла и здесь. В этом сражении, которым фактически завершилась очередная война между Францией, Испанией и Священной Римской империей за контроль над Италией, французы потерпели сокрушительное поражение. А король Франциск и его верный друг и соратник Анн де Монморанси попали в плен к испанцам и вернулись домой лишь спустя много месяцев.

Шевалье ответил не сразу, опять кинув на меня слегка заинтригованный взгляд. Видимо, женщины здесь нечасто проявляли интерес к военным действиям. Но что поделать, если я всегда была любопытной до мировой истории, и неважно какого именно мира.

— Я участвовал в схватке, — наконец отозвался Анри. — Правда, скорее в качестве поддержки. Ведь герцог в первую очередь ценил меня как медика, хотя уроками шпаги я ни-

когда не пренебрегал. Впрочем, время холодного оружия, кажется, начинает уходить, ведь битву при Павии выиграли мушкеты. Как бы то ни было, я отправился в плен вслед за моим сеньором, герцогом де Монморанси. На мою удачу, отпустили меня намного раньше, чем его светлость. Да и находясь в Мадриде, куда нас всех в итоге доставили, я не терял времени даром и успел завести знакомства среди мавританских лекарей, которые познакомили меня не только с трактатами Авиценны — их я изучал и ранее, — но и со всей многогранностью своей науки.

Наш разговор всерьез захватил меня. Шевалье де Ревиль был любопытнейшим собеседником — умным, образованным и знавшим не понаслышке о многих событиях, сколь увлекательных, столь и трагичных. Мне хотелось продолжить расспросы, однако Татин уже привела мое платье в порядок и выразительным покашливанием дала понять, что время посещения доктора истекло и пора бы господам расходиться по своим покоем, дабы насладиться целебным сном.

Понял этот намек и Анри. Поднявшись, он вежливо и не без теплоты попрощался со мной, выразив желание продолжить беседу завтра.

— Шевалье... или правильней называть вас мэтр?.. — сказала я, тоже вставая и протягивая ему руку, — буду очень рада нашему общению. Благодарю вас за проявленное ко мне участие и... за... помощь.

Тут я немного смутилась, опять припоминая злосчастный

пруд и себя, мокрую и перепачканную илом.

— Не стоит благодарности. А что касается рекомендаций по вашему здоровью, я обдумаю все и завтра запишу их для вашей камеристки.

Доктор легчайше прикоснулся губами к моим пальцам, подхватил мешочек со своими инструментами и почти сразу исчез за дверью.

Ну что ж, завтра так завтра. Но сегодня нужно сделать еще кое-что, пока я действительно не легла спать...

Глава 6.1

— Татин, а тебе не надо помочь моей сестре подготовиться ко сну? — спросила я, в то время как девушка заплетала мне косу на скорую руку.

— Госпожа Каролина полностью отпустила меня на сегодняшний вечер к вам. Сказала, воспользуется услугами одной из горничных.

Так-так. Очень любопытно.

Я дождалась, пока камеристка закончит, и подошла к «контуару», а попросту — конторке, которая представляла собой гибрид комода и высокого письменного стола с наклонной поверхностью, и встала возле нее с самым умным видом.

— Знаешь, я, пожалуй, побуду еще тут, напишу парочку писем, — небрежно произнесла я, вертя в руках бронзовую чернильницу с узорной гравировкой. — А ты иди поужинай с Розиттой, у вас наверняка же еще не было возможности нормально поесть. Только оставь мне пару свечей. И возвращайся... скажем, через половину часа.

— Хорошо, мадемуазель.

Видимо, Татин и впрямь была голодна, потому что, получив «увольнительную», мгновенно исчезла из поля зрения. Едва она удалилась, я подхватила свечу на медной подставке, выскользнула в коридор и быстро огляделась по сторонам.

Путь открыт. Ну-с, пора навестить сестренку на сон грядущий.

Комнаты Каролины находились рядом с моими, однако, постучавшись, я не дождалась ответа. Более того, за дверями царила гробовая тишина — ни шороха, ни вздоха. Что ж, это было ожидаемо.

Побродив до дому в поисках сестрицы и нигде не обнаружив ее, я решила проверить последнее возможное место — нашу библиотеку, или точнее, бывшую библиотеку, так как почти все книги были недавно распроданы. Зал с остатками былой книжной роскоши располагался в торце одного из крыльев замка и, насколько я знала, туда сейчас никто не заглядывал, даже слуги. Подойдя к искомой комнате, я заметила неяркое свечение, льющееся из приоткрытой двери и невольно начала ступать тише, а когда услышала голоса, то и вовсе остановилась, прижавшись к стене.

— Конечно, я не могу торопить вас, мадемуазель, и ни в коем случае не буду. Хотя вы и не представляете, чего мне это стоит. С тех пор, как я увидел вас на том балу, мое сердце более не принадлежало мне ни минуты. Если бы я не был связан обязательствами с домом де Лоне, то отправился бы к вашему батюшке в ту же неделю, чтобы просить вашей руки.

Сначала я даже не узнала этот голос. Обычно спокойный и жестковатый, с безупречно выстроенными интонациями, сейчас он звучал иначе: приглушенно и мягко, даже ласково, бархатистые нотки обволакивали слух и будто погружали в

некое подобие транса. Я не подозревала, что граф де Граммон при желании может быть и таким.

— Но теперь вы женаты, — тихо ответила Каролина. (Ну, конечно, кто же еще! С мадам Эжени графу не пришлось бы таиться по углам, они просто уединились бы в ее или его покоях, не мудрствуя лукаво.) — И мы уже никак не можем... не можем быть вместе.

— Отчего же? — Судя по звукам, мужчина подошел к моей сестре поближе. — Возможно, до вас уже дошли слухи о смертельной болезни моей жены. Смею подтвердить, это не слухи. Мне очень жаль бедняжку Аделин, но врачи не дают ей ни единого шанса. И, похоже, ее отец прекрасно знал о состоянии дочери, раз так торопился выдать ее замуж и так настойчиво убеждал меня исполнить свой долг и не опротестовывать помолвку, заключенную между мной и Аделин, когда мне было всего четырнадцать, а она и вовсе едва появилась на свет.

— О... мне тоже весьма жаль ее сиятельство. Я не была с ней знакома, но тяжкая болезнь в столь юном возрасте... Все это так печально.

— Вы добрая и прекрасная девушка, мадемуазель Каролина. Другой такой я просто не встречал. О, как бы я желал, чтобы нас не разделяли эти глупые условности. Долг есть долг, но все мое существо навеки отдано вам и только вам. Меня, разумеется, заботило здоровье вашей сестры, но приехал я сюда лишь для того, чтобы лишний раз увидеть вас.

Я рискнула и, оторвавшись от стены, подобралась к двери зала чуть ближе. Как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как граф де Граммон нежно берет ручки моей сестры в свои и, наклонясь, всматривается в ее глаза, полные отраженного света свечей.

Шелковые интонации, чувственное прикосновение, вожадеющий взгляд... Много ли нужно моей девятнадцатилетней сестре, чтобы окончательно «поплыть»?

Но все же нет, та не готова была сдаться так легко. Немного отстранившись от мужчины, Каролина, запинаясь, пролепетала:

— Граф, тогда, я думаю, нам стоит подождать. Не будем торопить события. Вы исполните до конца свой долг по отношению к вашей несчастной жене, а я... буду ждать вас. Ведь вы... ох, Боже, как же трудно выговорить такое... Но... вы ведь понимаете, что тоже давно владеете моими помыслами.

— Я счастлив слышать это от вас, моя дорогая Каролина, — произнес Оливье де Граммон, и бархат в его голосе стал непереносимо томным и притягивающим. — Позвольте мне хотя бы коснуться вас. Просто коснуться. Вы подарите мне этим минуту невыразимого блаженства.

Граф медленно поднял руку и дотронулся до щеки Каролины. Та застыла, не в силах противиться его магнетическому воздействию. Мужские пальцы погладили тонкую девичью кожу и обольщающе заскользили ниже; сестра, как замороженная, подалась вперед, неосознанно подставляя губы

под поцелуй.

Ну всё. Это уж слишком!

Я пыталась дать Каролине самой разрулить ситуацию, однако теперь совершенно очевидно, что она крепко сидит на крючке у графа и не сможет противиться ни единому из его желаний.

Бесшумно отойдя подальше от дверей, я затем с нарочитым топотом вновь направилась к ним.

— Каролина, милая, ты здесь? Я тебя везде ищу, — громко проговорила я, вовсю размахивая свечой.

В зале раздался небольшой шум, что-то упало, а потом мне навстречу выскочила перепуганная сестрица.

— Я здесь, да, здесь. Зашла вот... выбрать книгу. На ночь. Почитать. Татин мне почитает...

— Ах, вот ты где! — радостно воскликнула я. — Ну слава Господу. Я-то уж совсем сбилась с ног. Заглянула в твои покои, чтобы вместе помолиться на сон грядущий, а тебя и нет нигде. А книгу, я смотрю, ты так и не выбрала?

— Я... да... то есть нет, тут не осталось ничего интересного.

— Например, «Песни о Роланде»? Или «Сказания о Тристане и Изольде Белокурой»?

— Э-э... ну, вроде того.

— Тогда давай вернемся к себе. Уже поздно, а завтра нас ждет новый насыщенный день.

— Да-да, конечно.

Каролина бросила растерянный взгляд на оставленный зал, но покорно пошла вслед за мной. Еще бы не пошла — я вцепилась в ее локоть, словно пантера в сочную антилопию конечность, не позволяя дернуться ни направо, ни налево, и поволокла прочь от библиотеки и ее незваного посетителя.

Доведя сестру до нашего коридора, я вдруг «вспомнила», что надо сказать слугам, чтобы они не забыли потушить свечи в книжном зале. Убедившись, что Каролина направляется к себе в спальню и пообещав, что сейчас зайду к ней, я стремительным шагом вернулась к залу.

В библиотеке было темно — кто-то уже погасил все источники света. Впрочем, я прекрасно знаю кто. Возможно, он даже успел уйти, но скорее всего еще нет — я вернулась слишком быстро.

Как бы ни был мне тягостен предстоящий разговор, он должен состояться. Пусть я всю жизнь и старалась не лезть в чужие дела, однако это было всю *прошлую* жизнь, а еще — на сей раз я отвечала не только за себя, но и за юную девушку, которая формально, может, и старше меня, но по сути годится мне в дочери. Разве желала бы я своей дочке таких сомнительных отношений? В конце концов, если бы граф действительно имел честные намерения, разве он вел бы себя подобным образом?

Постояв на пороге и убедив себя, что на этот раз просто не имею права отступить, я вошла в темноту.

— Господин граф, можете не скрываться. Я видела вас. С

моей сестрой.

6.2

Свеча в моей руке немного разогнала мрак, царивший вокруг, но разглядеть что-либо дальше пары метров все равно не представлялось возможным. С каждой секундой напряженной тишины, моя решимость таяла, словно снег на солнце. Лишь усилием воли я заставила себя остаться на месте и сохранить невозмутимое и строгое выражение лица.

Может, и стоило оставить этот разговор на завтра, но так я теряла преимущество внезапности. Сейчас граф пойман с поличным и как минимум обескуражен, а если дать ему время прийти в себя, он начнет все отрицать и, я уверена, будет весьма убедителен в своих аргументах. Да и я сама к утру могу потерять решимость для беседы.

Все предыдущие годы жизни я старалась уйти от любых противостояний и разборок в попытке сохранить душевное равновесие. Теперь я понимаю, что иногда нужно отстаивать свои интересы, даже вступив с человеком в прямой конфликт. Без лишней драмы, без ора и брызгания слюной, но — надо. Твердо, последовательно, по возможности спокойно. Иначе тебя не воспримут всерьез и не услышат.

Однако не так уж просто вылепить из себя другого человека всего лишь за несколько дней нового существования. Поэтому, чтобы надо мной не возобладали старые схемы поведения, я лучше решу вопрос прямо здесь и сейчас.

Какой-то особой подлянки со стороны месье де Граммон я не ждала. Он, конечно, жесткий и властный мужчина, привыкший получать то, что хочет, но все же не разбойник с большой дороги. Светские нормы поведения вдалбливают дворянам с детства, так что хотя бы внешние приличия граф скорее всего соблюдает. Он ведь далеко не глупец и не станет подставлять себя в доме семьи, которой выказывает расположение сам герцог де Монморанси.

Все эти размышления буквально за секунду промелькнули в моей голове, а потом я увидела, как в круг слабого света от моей свечи шагает Оливье де Граммон.

— Мадемуазель Лаура, — легонько поклонился мужчина.

И я поняла, что разговор не будет простым. Граф был спокоен, собран и внешне совершенно невозмутим.

Ладно, посмотрим, что ты за ястреб такой.

— Господин де Граммон, спасибо, что не заставили меня рыскать по всей библиотеке. Мне кажется, вам необходимо объясниться, — произнесла я, подходя к единственному в зале столу и поджигая от своей свечи две другие, установленные на нем.

Кажется, граф был немного удивлен и моему тону, и давлению, которое я пыталась на него оказать, однако ответил он ровно и даже чуть снисходительно:

— Полагаю, мне не в чем объясняться, мадемуазель. Я не совершил ничего дурного.

Его ироничный взгляд сказал мне, что мужчина попросту

не относится ко мне серьезно. Ну конечно, кого он видит пред собой? Юную девицу, у которой априори не может быть мозгов, а значит, задурить ей голову — раз плюнуть. Оправдываться он не собирался совершенно точно.

Вот как. Ну хорошо, пойдем длинным путем.

— Граф, так уж получилось, что я слышала ваш разговор с моей сестрой и видела те знаки внимания, которые вы ей оказывали. Вы не хуже меня знаете, что подобное в вашем положении недопустимо. Женатый мужчина не имеет права так вести себя с незамужней девушкой.

— Я сожалею, что стал причиной вашего беспокойства, мадемуазель, но вы восприняли ситуацию чуть более экспрессивно, чем она того заслуживает. Поверьте, я и в мыслях не имел ничего низкого или недостойного.

Будь я той самой «юной девицей», в этот момент я, наверное, заколебалась бы. Месье де Граммон был до крайности убедителен, и восемнадцатилетняя я начала бы думать, что вдруг и правда что-то не так поняла, вдруг мужчина вовсе не собирался соблазнять Каролину, вдруг на самом деле он полон благих намерений, а я осудила его лишь на основании беспочвенных подозрений в своей голове... вдруг он говорил чистую правду и, вмешавшись, я разрушу будущие отношения сестры с хорошим человеком.

Но мне было не восемнадцать.

— Я обнаружила вас с Каролиной в полутемной комнате наедине друг с другом. Вы сказали, что не желаете под-

чиняться этим, как вы выразились, «глупым условностям». Вы позволили себе коснуться моей сестры весьма интимным образом. Граф, давайте не будем играть в пустые игры. Каролина, быть может, наивная девушка, но она графиня де Ла Фер. Будьте любезны впредь обращаться с ней должным образом.

И вновь Оливье де Граммон не проявил никакой нервозности, разве только зубы сжались чуть сильнее, делая его и без того резкие скулы острее ножа.

— Мы с вами сейчас тоже находимся в полутемной комнате наедине друг с другом. Однако ничего ужасного не происходит, не так ли?

— Еще раз прошу вас оставить любые словесные игры.

— Хорошо, мадемуазель, — с расстановкой сказал граф, и на меня отчетливо повеяло исходящим от него холодком. — Вижу, мне все-таки придется прояснить ситуацию для вас. Госпожа Каролина зашла сюда в поисках книги, не зная, что я нахожусь здесь. Не желая компрометировать вашу сестру, я собирался тут же уйти, но она остановила меня каким-то незначительным вопросом. Я понял, что, вероятно, мне больше не представится случая поговорить с вашей сестрой без лишних глаз и ушей, а мои искренние чувства к ней требовали хотя бы обозначить их. Поэтому я задержался буквально на пару минут, чтобы сказать мадемуазель Каролине о том, что важно и для меня, и для нее.

Мужчина чуть опустил глаза. Выглядело это так, будто он

смущен, рассказывая о чем-то очень ценном и сокровенном для него. Коротко вздохнув, он продолжил:

— Как вы верно заметили, я женат, и подобный разговор между мной и вашей сестрой был бы неуместен при любых других обстоятельствах. Но если уж вы дали себе труд послушать нас, то теперь знаете, что моя жена при смерти и надежды на ее выздоровление нет никакой. Я выполняю все обязательства по отношению к ней, однако потерять за это время мадемуазель Каролину было бы для меня невыносимо. Я прекрасно вижу и понимаю, что графство Ла Фер переживает не лучшие времена, и чтобы спасти его, ваша сестра может решиться на брак без любви. Все, чего я хотел — рассказать ей о своих чувствах и попросить ее подождать с замужеством. Как только я буду свободен, немедленно сделаю госпоже Каролине предложение. Все честь по чести. И не стоит подозревать меня в иных намерениях.

Он прижал руку к сердцу, обозначая искренность своих слов. Я в свою очередь тоже вздохнула и покачала головой.

— Вы предлагаете мне толковать ваши речи и прикосновения к моей сестре подобным образом... Что ж, пусть так. Но если ваши намерения настолько чисты, как вы изволите утверждать, то больше вы не допустите ничего подобного. Будьте так любезны, не ставьте Каролину в двусмысленное положение и не заговаривайте с ней о вашей... страсти. По крайней мере до тех пор, пока ситуация с мадам де Граммон не разрешится окончательно.

— Обещаю вам, мадемуазель. — Граф поклонился. — Надеюсь, и вы не будете жестоки к обоюдным чувствам двух людей, понимая всю сложность наших обстоятельств.

Я помолчала, а затем повела рукой в сторону двери.

— Спокойной ночи, граф. Рассчитываю на то, что ваши дела будут столь же безупречны, как и ваши слова. Я Каролине не враг, а самый верный друг, это главное, что вы должны уяснить. Благодарю за разговор.

Я протянула ему одну из свечей, чтобы он мог осветить себе путь в коридоре. Оливье де Граммон принял ее, поклонился еще раз и вышел за дверь.

Наверное, если бы не эта тусклая свеча, я бы не увидела, как он оборачивается и смотрит на меня. Один поворот головы, один взгляд, одна леденящая кровь улыбка... Всего одно мгновение.

Темное пламя в его глазах едва не сожгло меня живьем.

Я моргнула.

Граф удалялся от библиотеки. И никакого пламени, кроме свечного, в коридоре не было.

6.3

До кровати я добрела уже совершенно обессиленная. Заглянув к Каролине и убедившись, что она легла спать, я наконец осчастливила своим появлением Татин и, обойдясь минимумом ее помощи, быстро отпустила девушку. Закрывая глаза и проваливаясь в сон, я понадеялась, что, может, хоть завтра меня ждет спокойный день. Уедут гости, и я смогу наконец выдохнуть.

Конечно я ошиблась.

Еще до завтрака я помчалась к герцогине Мадлен, чтобы окончательно утрясти вопрос с господином де Вассоном. Благо, утренние приемы не были для этих веков чем-то из ряда вон выходящим. Высокопоставленные вельможи могли принимать визитеров и решать хозяйственные, судебные и прочие вопросы, даже не вставая с постели, или во время своего долгого облачения. Собственно, вполне логично: пока сеньор лежит в кровати или путается в рукавах рубашки, его проще поймать для разговоров о делах. А то выйдет из спальни, ускачет на охоту — и ищи-свищи его в поле!

Так встречали посетителей и короли, и герцоги и их жены. Пройдет пара столетий — и слово «будуар» прочно войдет в европейский лексикон... Ну а пока я на правах хозяйки дома просто нанесла утренний визит герцогине в выделенных ей покоях. Ведь, как известно, кто ходит в гости по утрам, тот

вообще молодец.

Посекретничав с Мадлен и получив от нее заверения, что она лично переговорит с притким господином Вассоном-старшим, я вместе с Каролиной и нашими гостями отправилась на утреннюю мессу в замковую часовню.

Событие было, с одной стороны, рутинное, а с другой, не совсем мной ожидаемое, ведь своего священника в шато теперь уже не было — мы оказались не в силах оплачивать его услуги. Однако виконт де Бейль, еще вчера узнав об этом «прискорбном обстоятельстве», сказал, что не может ни дня обойтись без службы, и раздобыл для нас на одну мессу какого-то деревенского кюре.

Поначалу я заволновалась, ведь до этого мы с сестрой лишь совершали утренние, вечерние и «предобеденные» молитвы. То есть совершала Каролина, а я вроде как болела, потом же... Честно говоря, я не знала ни одной молитвы на латыни, кроме первых строк в «Отче наш» и «Аве Марии», которые как-то сами врезались в память, когда одно время (еще в своем мире) я под настроение слушала григорианцев и Марию Каллас. Единственное, что я могла — тихо молиться своими словами: в конце концов, после всего случившегося мне было о чем поговорить с Богом.

Но настоящая месса — это уже более серьезное испытание.

Все, однако, прошло лучше, чем я боялась. Я просто повторяла все действия вслед за сестрой: омочить персты в

чаще у входа в часовню, перекреститься (в нужную сторону!), выслушать литургию, когда надо преклоняя колени и молясь, — и как-то справилась. «Нужно все-таки будет выучить хоть основные молитвы», — подумала я, по тридцатому кругу бормоча: «Pater noster, qui es in caelis, sanctificetur nomen Tuum»[1].

После богослужения я, как ни странно, почувствовала себя легко и радостно и с этим ощущением присоединилась к общему завтраку. Радость, впрочем, продлилась ровно до того момента, как баронесса Эжени д'Алер обмолвилась в перерыве между болтовней с соседями по столу:

— Ах, мадемуазель Каролина, здесь у вас так хорошо и приятно. Я бы с удовольствием задержалась еще на пару дней. Ведь вы даже не успели показать нам ваш прекрасный парк, да и живописная природа по берегам Йевра требует того, чтобы ей полюбовались подольше. Не находите?

Каролина не успела ответить, ее опередил виконт де Бейль, который тут же отрицательно покачал головой:

— Нет-нет, баронесса, мы не можем так долго обременять собой наших гостеприимных хозяек. После того, как мы все убедились, что мадемуазель Лаура в полном порядке, нам незачем больше задерживаться в графстве, ведь каждого из нас ждут свои дела, ну или служба у его светлости.

Мадам Эжени лишь небрежно отмахнулась:

— Виконт, вы с супругой и шевалье де Ревилем, разумеется, можете отправиться к герцогу и доложить ему о благо-

получном выполнении его поручения, и ее светлость тоже, не сомневаюсь, желает поскорее вернуться к супругу. А вот мы с господами будем счастливы задержаться здесь подольше. Мадемуазель Каролина, вы же не лишите нас этого удовольствия?

— Да-да, мы с кузеном были бы рады погостить у вас еще пару дней, — закивал Ричард д'Обинье и при этом почему-то с надеждой посмотрел на меня.

Честно говоря, от баронессиной речи я чуть не поперхнулась.

И что же ты задумала, бойкая мадам? Зачем тебе вдруг понадобилось оставаться в нашем захолустье? Да еще и оба графа...

Так, стойте... Кажется, поняла. Вот тебе и здравствуйте, приехали. Похоже, эти трое сговорились между собой!

У баронессы нет ни одной причины задерживаться в Ла Фер, кроме попытки еще раз подбить Вассона-младшего на всякие непотребства. Господин де Граммон явно вознамерился взять реванш после вчерашнего фиаско. А что касается Ричарда, либо он просто разделяет компанию с братом, не подозревая о его замыслах, либо наоборот собирается подыграть ему, во что мне не хотелось бы верить. Либо... вообще-то, нас здесь три интересных женщины, включая баронессу, возможно, «англичанин» хочет остаться ради кого-то из трех.

Но если против присутствия Ричарда я, наверное, не стала

бы возражать, то мадам Эжени и господин де Граммон мне тут точно не нужны и даром.

В это время полная энтузиазма Каролина всплеснула руками:

— Ах, мадам, я, конечно, с радостью...

— Прошу великодушно простить! — воскликнула я, как ужаленная, вскакивая с места и невежливо перебивая сестру.

То, что я собиралась сказать, было против всяких правил приличия, и, вероятно, о «возмутительном поведении мадемуазель Лауры» еще долго будут шептаться в высшем свете — баронесса уж всяко постарается, чтобы мой прокол стал достоянием общественности. Но я не видела иного выхода. Иначе вся эта компания загостит здесь, а мои возможности влияния на Каролину, и уж тем более на Оливье де Граммона, весьма ограничены.

— К нашему величайшему сожалению, мы с сестрой более не в состоянии принимать гостей, — выпалила я. — Столь великолепное общество нуждается в достойных условиях, а наше финансовое положение, увы, не позволяет даже накормить вас, как подобает приличным хозяевам. Сегодня закончилось последнее мясо, крупы и другие продукты, и понадобится как минимум неделя, чтобы восполнить запасы.

Глаза наших гостей ожидаемо полезли на лоб, ибо какой же уважающий себя аристократ открыто признается в таких

вещах. Что вы! Аристократ залезет в долги, обворует своих крестьян, разорит погреб ближайшей городской таверны с обещанием заплатить когда-нибудь сильно потом, но не допустит унижения перед другими дворянами.

Однако простите, господа аристократы, я должна спасти сестру, а потому играть буду не по вашим правилам. Ну а Каролину, может, даже пожалеют — вон у нее какая ужасная и беспардонная сестричка, и как только она, бедняжка, со мной справляется.

— Кроме того, господин де Ревиль считает, что моя травма пока не зажила до конца и остается опасной, поэтому мне требуется полный покой. Так ведь, шевалье?

Я кинула быстрый взгляд на Анри, изображая отчаянно-умоляющие глаза Кота из «Шрека». Шевалье перехватил мой взгляд и, хоть и не сумел скрыть потрясение, все же, откашлявшись, медленно ответил:

— Да, я полагаю, мадемуазель Лаура все еще нуждается в покое.

Кажется, он вложил в эти слова немного не тот смысл, на который я рассчитывала, но и так сойдет.

— Как только ситуация изменится, — поспешила сгладить впечатление я, — а это, я уверена, произойдет очень скоро, мы с Каролиной будем счастливы пригласить вас всех к нам. Обязательно устроим пир горой, даю вам слово! Только, увы, не сейчас.

— Ла-Лаура, — повернулась ко мне абсолютно огушен-

ная моей выходкой сестра, — но как же...

— Объели старую больную женщину, — раздался скрипучий голос рядом. Тетушка Флоранс достала носовой платочек размером с небольшую скатерть и утерла им скупую слезу на своем морщинистом лице. — Умрет теперь графиня де Шайи. Ох, умрет. От голода неминуемого погибнет. Но в грязь лицом не упадет, нет, всех гостей дорогих накормит до отвала. А как же иначе-то.

— Тетушка, — обреченно пробормотала Каролина, — ну что вы! Здесь никто не даст вам умереть с голоду.

— Разумеется, не даст, — внезапно заговорила герцогиня де Монморанси. — Наши добросердечные хозяйки и так уже уделили нам достаточно внимания. Мы с радостью навестим их еще раз, но несколько попозже. А сейчас, думаю, нам не стоит злоупотреблять их радушием, — подвела черту она. И незаметно мне подмигнула.

Я улыбнулась. Во время нашей с ней утренней беседы, я осторожно коснулась личности мадам д'Алер и ее роли в деле с господином де Вассоном. Мадлен подтвердила мои опасения, что дело там нечисто. Подробностей она не знала, но расположения к баронессе никакого не испытывала.

Если я правильно истолковала очень легкий намек герцогини, неугомонная мадам Эжени пыталась обольстить его светлость герцога де Монморанси прямо накануне его свадьбы. Понятно, что очков в глазах Мадлен ей это не прибавило. И вот сейчас ее светлость безошибочно определила при-

чину, по которой баронесса хотела задержаться в поместье.

— Еще раз прошу великодушно простить нас, — произнесла я, облегченно выдохнув. И добавила, чуть подслащивая пилюлю: — Впрочем, мы с сестрой будем счастливы сопровождать вас всех на прогулке по нашему парку, пока слуги занимаются сборами. Раз уж госпожа д'Алер выразила желание полюбоваться его красотами.

На том и порешили.

[1] Отче наш Небесный! Да святится имя Твое!

Глава 7.1

Парк у нас и впрямь был красивый, однако, как я уже сокрушалась ранее, несколько запущенный. Дорожки на уютных липовых и дубовых аллеях требовали подсыпки свежего гравия и песка, шиповник, барбарис и прочие кусты — подрезки и придания приличной формы, трава — основательной стрижки, а декоративные водоемы — очистки. Но ничего, разберемся со временем, а пока пусть господа наслаждаются тем, что есть.

Они и наслаждались. Ну или делали вид. Наша компания то двигалась общей толпой, то расходилась парочками по дорожкам, то вновь собиралась вместе, а затем менялась собеседниками и опять терялась в лабиринтах деревьев. Слуги таскались за нами на почтительном расстоянии, но так, чтобы быть готовыми прийти к своим хозяевам по первому зову.

Первой для беседы я отловила Каролину и, поболтав для приличия с гостями, утащила ее на тихую тропку, виляющую меж сиреневых кустов, к сожалению, уже сбросивших цвет.

— Что ты устроила за завтраком?! — напустилась на меня сестра, едва мы скрылись с глаз остальных. — Я чуть не провалилась сквозь землю от стыда! Разве можно так обходиться с гостями?!

— Каролина, ты щедрая девушка, и я не могу не радоваться твоей открытой душе и гостеприимности. Но чем ты со-

биралась кормить всех этих блестящих господ и их слуг? А где бы взяла столько свежего белья для них? Если помнишь, на весь замок осталось всего две прачки. Они и так уже все руки себе стерли, обслуживая нас. А лошади? Им тоже корм требуется, и ты не представляешь сколько!

Сестра немного сбилась с шага и растерянно взглянула на меня:

— То есть... у нас и правда закончилась еда и все запасы?

Ну, положим, не все, я немного преувеличила для доходчивости. Но, в целом, ситуация не благоволила разбазариванию ресурсов.

— Во всяком случае, сейчас мы точно не можем принять такое количество гостей, — ответила я.

— А я и не знала, — пробормотала Каролина, возможно, впервые в своей жизни задумавшись о том, что куски жареной баранины и курятины не растут на деревьях, а слуги и домашние животные питаются не воздушными небесными. — Неужели ничего нельзя раздобыть для замка? Хотя бы на пару-тройку дней.

— Что-то можно, но даже если мы сумеем прокормить сеньоров, наши слуги все равно могут остаться голодными. Мы с Жилем вчера посидели над приходно-расходными книгами, а потом я прошлась по нашему хозяйству. В общем, нам с тобой пока лучше обойтись без высоких гостей и роскошных пиршеств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.